

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

12+

Сотник из будущего

Андрей Булычев

**Сотник из будущего.
Северная война**

«Автор»

2020

Булычев А.

Сотник из будущего. Северная война / А. Булычев — «Автор»,
2020 — (Сотник из будущего)

ISBN 978-5-532-17877-9

Андреевская бригада, прорвавшись на Балтику, совершила заграничный поход и приняла участие в великой битве при Борнхёведе. Дания повержена и больше не претендует на роль властительницы всех морей. Однако, в Шведском королевстве уже зреют свои агрессивные планы, чтобы оторвать у Великого Новгорода Приладожские земли, покорив при этом и его верных союзников, племя Карел. Король Швеции Эрик Шепелявый готовит крестовый поход на Русь, и первыми в бой должны идти объединённые войска финских племён Суми и Еми. Западнее Ладоги разгорается большая лесная война. Новгородский князь Ярослав, отец будущего Александра Невского, не намерен ждать врага на своей земле и готовится сам совершить Ледовый поход в Тавастию, прямо по замёрзшему заливу Балтики. Андреевская бригада готовится к новым боям. У её командира есть свои счёты со Швецией, где в одном из замков заключена в башню его возлюбленная, герцогиня королевского рода Эриков Марта, а Сотник своих людей не бросает!

ISBN 978-5-532-17877-9

© Булычев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть I. Ледовый поход	6
Глава 1. Калева	6
Глава 2. Ийбу	10
Глава 3. Возвращение судовой рати	16
Глава 4. Уппсала, столица королевства Швеции	23
Глава 5. Архип	27
Глава 6. Путь прогрессорства	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Северная война

Иллюстрации и обложка для книги взяты с сайта <https://pixabay.com/ru/>

Часть I. Ледовый поход

Глава 1. Калева

Железная лавина конных рыцарей неудержимо накатывала на ратный строй новгородской пехоты, в котором стоял Калева. Вот-вот они врежутся в линию копейщиков, опрокинут её и покатаются, вминая растерзанные тела все глубже в землю. Подскочивший в упор огромный, как гора, дан занёс свой сверкающий меч над головой, и до неизбежной смерти оставалось всего лишь одно мгновение. Руки Калева были словно ватные, его большая пятиметровая пика с четырёхгранным шилообразным наконечником слишком медленно ползла вверх, явно не успевая за противником.

Медленно, как же медленно двигаются его руки! Меч рыцаря резко пошёл вниз, и Калева, сделав судорожный вздох, закричал и проснулся.

– Тише-тише, сынок, успокойся, ты дома, это просто дурной сон, – мать, стоя на коленях около лежанки, гладила вспотевший лоб Калева, расправляя его мягкие и спутанные светлые волосы, – Опять тебе эта страшная война приснилась? Ты уже третью ночь вот так вот кричишь и всех в коте будишь. Надо нам к ведунье Иинес на Иийоки речку сходить, пусть она пошепчет над твоей макушкой и нужного отвара нам потом даст. Иинес сильная, все стихии ей покоряются, с любого порчу или наговор она снимет, всякую хворобу или недуг уберёт, а испуг водой отлить сможет.

– Глупости это всё, мама, ворожба. Я ведь крещёный.

И Калева достал из-под исподней рубахи свой медный нательный крестик.

– Негоже мне по ворожеям да по языческим капищам ходить. Древнюю веру нашего народа я уважаю и чту, потому как от природы она, тем более, что нет на ней крови людской. Однако, и в обрядах участвовать теперь не смогу, не обижайся мама, – и Калева нежно обнял сухенькую старушку, – Правильная вера ведь не разъединяет, а только собирает людей. Как знать, может, примет её наш народ? Не зря же славяне уже более трёх сотен лет веру Христа приняли, и в великой силе этот народ состоит. Я сам не всё ещё разумом охватил, но вот сердцем чувствую, мама, что добрая и правильная эта вера будет. И уже много наших карел крещение приняли. А мой командир и вовсе говорит, что коли на то Высшая воля будет, так и все люди наших земель со временем её примут. Ну да о том мне сложно пока говорить, я-то два года всего как крестился, и к этому самолично пришёл, пока там русскому ратному делу учился... Эх, мама, знала бы ты, как в нашей дружине интересно. Там нет деления на то, какого ты роду племени будешь. Лишь бы человеком был хорошим и товарищем надёжным.

– Хорошо, сынок, – улыбнулась покладисто Хилма (Тихая-фин.), – За руссами большая сила нынче, и нам, Карелам, они обиды не творят. Отдыхай, сынок, где как не в родительской коте ещё можно выспаться. Вам ведь с отцом ещё рыбу на озере ловить да потом её на зиму готовить.

И Калева опустил на крытую шкурами лежанку.

Две коты, традиционные жилища финских народов, стояли на высоком берегу речки Кохисеваноя, что выходила с южной оконечности озера Кайвасъярви, и катила свои быстрые воды дальше на восток, в огромное, как море, Ладожское озеро. Карельские семьи любили селиться в таких местах, где были хорошие охотничьи угодья и богатая рыбная ловля. Этот народ делился на пять родов, не любил скученности, городской сутолоки и суеты. Соседи жили друг от друга порою в десятках километрах, собираясь вместе только лишь по важным событиям, на торгу, по великим праздникам или же на зов своих родовых вождей валитов.

Жилищем финских народов была кота. Тонкие концы длинных, ровных, очищенных от коры вершин деревьев сходились в ней конусом кверху и там уже скреплялись так, чтобы образовывать отверстие для выхода дыма. Под этим отверстием в середине постройки находился очаг, сложенный из плоского камня и обмазанный глиной. На него, или же вовнутрь, клали дрова, а над разводимым огнём на крюках висели чугунные да медные котлы. Зимой снаружи стены коты покрывали шкурами и окружали для лучшего сохранения тепла высокой снежной насыпью. Пол внутри жилища устилали хорошо просушенным сеном и укрывали поверх него плотным войлоком или же выделанными шкурами. По бокам жилища из шкур пушных зверей устраивали лежанки. Вход в коту для защиты от холодных северных ветров был всегда обращён к югу. По сторонам от него на высоких и гладких столбах для сохранности от зверей находились кладовые, где держали вяленое мясо, сушёную и копчёную рыбу, добытую охотниками, и выделанные меха.

На лето люди переселялись в другую коту, сложенную из более тонких жердей и покрытую вместо шкур берестой. Семьи карел жили обособленно, занимаясь в основном рыбной ловлей и пушным промыслом. В более южных и равнинных местах издревле велось подсечное земледелие.

Разбудил Калеву смех сестёр погодок Локки и Пьяско (Чайка и Ласточка), им было по 14 и 15 лет, и девушки входили уже в возраст невест. Сидя в «женском углу», девицы о чём-то оживлённо шептались и, примеряя яркие платки, привезённые братом в подарок, порой увлекались, ведя себя слишком шумно.

Вот, кряхтя и покашливая со своего места, встал отец Войтто (Победа-карел.).

– Расчирикались, птички, всё бы вам свои пёрышки приглаживать! Пока мать готовит, делом лучше займитесь, сороки, – проворчал хозяин семейства и начал натягивать поверх исподней верхнюю плотную рубаху из грубого сукна.

Хилма, помешивая густое рыбное варево в большом чугунном котле над очагом, неодобрительно посмотрела на дочек и кивнула на большой, стоявший у входа, кувшин.

– Всех разбудили, болтушки? Воды ка лучше принесите, чем красоваться с утра. Балует вас брат, вон, сколько подарков навёз, и платки им, и отрезы тканые, и ленты разноцветные, да бусы стеклянные. Будет в чём теперь перед людьми на сходе показать. И медный котёл ещё отмойте и речным песком ототрите, как следует! – прикрикнула на собиравшихся, на улицу дочек хозяйка.

Локки и Пьяско схватили посуду и вышмыгнули за входной полог.

– Да ладно, мама, пусть веселятся, пока живут в родительском доме. На чужую сторону за мужем уйдут, там то им уже вовсе не до веселья будет, – с улыбкой произнёс Калева, натягивая меховые полусапожки.

Стоял уже ноябрь, и лёгкий снежок покрывал землю по самую щиколотку. Мороз пока ещё не сковал голубой бронёй озера и речки Карелии, и Калева легко пробежал мимо огромных валунов, туда, где в скалистой расщелине сбегал по камням небольшой ручей – водопадик. Сестрёнки уже наполнили студёной водой широкий глиняный горшок и теперь оттирали мхом с мелким речным песком котёл. Пальцы у девушек застыли от ледяной воды, и, кутаясь в свои меховые накидки, они с удивлением смотрели на то, с какой лёгкостью их брат, скинувший с себя полушубок, с громким уханьем и фырканием умывается да обтирает по пояс своё крепкое тело.

– Застудишься, Калева! Неужто не зябко тебе?

На что тот только усмехнулся и шутиливо плеснул в сестрёнок полной пригоршней воды из ручья.

«Птички» громко завизжали и пустились на утёк. А Калева с весёлым смехом перекинул через плечо полушубок, подхватил на руки сияющий чистой медью котёл, наполненный водою горшок, и с лёгкой натугой побегал вверх к коте. На душе стало как-то легко и весело, а впереди у него ещё был целый месяц ратного отпуска в родительском милом доме. Отпуска, полученного им и всеми его товарищами после недавнего заграничного похода. И так же, как Калева, сейчас сотни бойцов Андреевской бригады из славян, эстов, веси, води, карел, берендеев и других народов и народностей находились так же на заслуженном отдыхе.

– Р-р-р! – громко как медведь зарычал Калева, и, откинув полог, шагнул в коту.

Локки и Пьяско быстро порскнули, спрятавшись за мать, а старая Хилма только укоризненно покачала головой:

– Уже скоро двадцать лет, мужчина в самой силе, жениться давно бы пора, а он всё сестрёнок пугает как в детстве, эх, Калева, Калева!

– Ладно, не ворчи, мать, – ухмыльнулся Войтто, – Вспомни, какими мы с тобой сами были в молодости. Я в ту осень, когда тебя сватал, как раз из похода на Або, куда мы вместе с русскими ушкуйниками ходили, вернулся. Хорошими подарками тестя с тёщей одарил! Уважил всю будущую родню, вот и сговорились, видать, тогда легко, – и Войто лукаво усмехнулся.

– Ты наговоришь тоже, старый, – махнула в его сторону хозяйка семейства, – Если бы сам не по душе был мне, то никакие дары бы тебе не помогли, вон, так же как Саули отворот-поворот бы получил!

– Эй, Урхакко (Бесстрашный – карел.), сбегай-ка к старшему брату, зови, их всех есть, и любят же поспать подольше, лежебоки!

Самый младший из сыновей, одиннадцатилетний мальчуган, накинул телогрейку и с готовностью выскочил на улицу. Пожилые Войтто и Хилмари со своими младшими детьми

жили одной большой семьёй в своей коте. Рядом с ними стояла кота их старшего сына Элокуу, где он и проживал с женой Тойникки и двумя малыми детками. Такое совместное проживание одной большой семьёй здесь не было редкостью, так как вместе было гораздо легче противостоять всем трудностям и опасностям сурового северного края.

Поздняя осень в Карелии больше походила на зимнюю пору. Дули пронизывающие северные и западные ветра. Выпавший снег уже не таял. И вот-вот можно было уже ждать прихода более серьёзных морозов, что буквально за пару-тройку дней смогут покрыть льдом ближайшее озеро Кайвасъярви, с которого-то в основном и кормилась рыбной ловлей вся большая семья.

Плотно позавтракав, все обитатели обеих кот направились на берег озера. Заготовка рыбы на зиму было делом ответственным, и каждая пара рук тут была на счету. На двух небольших лодках долблёнках мужчины вывезли, расправили и выставили на узкой северной стороне озера широкие, плетёные из конопляной нити, сети. Все три они были накрепко связаны между собой. Сверху на них были навязаны берестяные и деревянные поплавки, а низ снасти расправлялся за счёт каменных грузил.

После подготовки сетей челны бесшумно заскользили к северной оконечности озера, чтобы уже там развернуться и загнать рыбу в снасти. По бокам с берега, чтобы добыча не выскальзывала по краям, готовились её отгонять шестами к центру сестрёнки Локки и Пьяско. По взмаху самого старшего рыбака Войтто, однодревки двинулись в сторону сетей. Гребли вёслами в них самые младшие, Калева с Урхакко. Отец со старшим сыном Элокуу в это время громко хлопали по воде длинными боталами – шестами с навершием на конце в виде роготульки.

По команде, стоявшие на берегу у выставленной сети сестрёнки тоже начали бить шестами по воде, выгоняя от берега рыбу в сеть. Та буквально на глазах отяжелела и немного притопла, погружая свои поплавки в воду. Есть добыча! Осталось только перетрясти всю снасть и выбрать из неё улов.

Сеть перетряхивали с обеих сторон, Калева придерживал на вёслах лодку и как ребёнок радовался каждой крупной рыбине, падающей на её дно. Есть в каждой рыбалке что-то такое сказочное и таинственное. Никогда ведь не угадаешь наперёд, что она тебе принесёт, богатый ли улов или лишь парочку мелких плотвичек.

На этот раз трудились рыбаки не зря. На днище долблёнки прыгали, блестя чешуёй, судаки, щучки, окунь, лещи, язь, форель, сиги и крупная плотва, даже несколько лососей и красивых редких хариусов сегодня попались.

«С такой-то добычей даже и в ледяной воде веселей работать,» – подумал молодой рыбак, сменив у сети отца, у которого уже онемели на холоде руки.

Однако, замёрзли на озере все!

Тем приятней было на берегу пить горячий травяной отвар, держа в изрядно заочевевших руках небольшие глиняные горшочки.

– Сейчас мы с Тойникки уху из свеженького жирного сига вам отварим, мои мальчики, будет у вас в животе горячо да сытно, не так иззябните на ловле, – суежилась Хилма у потрескивающего костра на берегу, – Замёрзли наши добытки, вон ведь как мороз пробирает до самых костей!

Впереди у рыбаков было ещё два участка для облова, а затем ещё нужно было прибрать для долгого хранения всю рыбу в те самые склады, что высились на верху ошкуранных стволов перед жилищами. Вот потом-то и можно было отдыхать да отогреваться у очага в жарко натопленной коте и слушать истории-легенды родного лесного края.

Глава 2. Ийбу

Тело само, без всякой указки разума, бросило Ййбу тысячи раз отработанным движением на слегка прикрытый снегом мох. Не одна веточка стланика или черничного кустика не дрогнула, выдавая этим пластуна. Только насторожённый Арно подполз тихонько под левую руку хозяина и молча ткнул его носом в плечо.

– Тьфу ты, дружище, мы же на своей земле, ты что у меня тут шуткуешь-то? – и карел-собаковод потрепал ласково за ухом своего четвероногого товарища.

Но Арно, как это ни странно, на ласку хозяина не ответил, а всё также напряжённо вглядывался туда, где его явно что-то сейчас тревожило. Ййбу уже давно не был тем наивным карельским недотёпой, что пришёл вместе со своим родичем Ерхо на службу в новгородскую бригаду Сотника. Выучился он ратной службе, выдрессировал прекрасного четвероногого друга, участвовал в битвах и в заморском датском походе. Теперь же вот отдыхал он от ратных дел в родном краю Южной Карелии, в семейной стоянке у озера Нуйямаярви, а родич Ерхо навсегда остался под поклонным крестом в германской долине Борнхёведе.

– Что такое, Арно, тебя что-то там беспокоит?

Ййбу, всецело привыкший доверять чутью своего пса, исподволь насторожился и тихонько переместился под свисающие нижние ветки ближайшей ели. Замерев под ними, он начал напряжённо всматриваться туда, куда так же пристально, оскалившись, всматривалась и его собака. Там явно кто-то был! Вот с большой и густой ели у дальнего поворота тропы дрогнула в середине кроны ветка, качнулся кустик можжевельника напротив, и снова стало тихо. И точно, у поворота тропы наверняка кто-то был, и был он там, судя по всему, точно не один. Лёгкий ветерок сейчас дул в сторону Ййбу, потому-то и почувствовал тех людей Арно.

Тропка, по которой шёл пластун, вела от многих семейных стоянок и просто одиночных кот к центральному селищу рода, рядом с которым располагался традиционный торг и Хийси – священная роща, где под руководством своих жрецов-арбуев карелы справляли свои древние обряды. До селища было уже недалеко, всего-то пара вёрст по извилистой лесной дорожке, и никогда ещё прежде не было такого, чтобы таились люди к нему на подходе, да ещё так удачно, как в настоящей воинской засаде. Сердце пластуна тревожно заныло. Тут явно что-то было не так, и Ййбу, обогнув опасное место широким полукругом, зашёл неизвестным людям со спины.

Под густыми кустами можжевельника, всего в паре шагов от тропки, лежали двое. Оба были в меховых полушубках и в лохматых шапках, на ногах койби – сапоги из оленей кожи мехом наружу, а на всей одежде по традиции финских народов были нанесены оберегающие знаки, по которым всегда можно было определить принадлежность рода их хозяина. И это были не карелы! Таких нашивных оберегов у народа Ййбу просто не было! Вот тот, что был справа, слегка приподнялся и глухо крикнул в сторону приметной ели. И ответ ему раздался такой же приглушённый отклик. Люди, скрывавшиеся сейчас в засаде, были из народа Хями (Емь – старорусский), и это были воины! Пластун чётко разглядел у приподнявшегося боевой лук и большое воинское копье. Теперь нужно было быть крайне осторожным, ведь эти, что здесь затаились, явно неспроста тут так грамотно устроились. И Ййбу осторожно отполз в сторону извилистого, усыпанного валунами оврага, по которому можно было скрытно прокрасться к селищу, сведя возможность встречи с врагом к минимуму.

Нужно было предупредить старейшин и вождей рода о воинах Хями, если только ещё было не поздно. И они с Арно прибавили ходу.

Отношения между финскими народами всегда были непростыми. Карелы, мирно существовавшие с восточными и южными народами: Весью, Водью, Ижорой и Чудью, зачастую враждовали с теми, что жили от них к западу, то есть с финскими народами Сумь и Емь. Причин тут было множество, и в последнее время на первый план из всех выходило внешнее

враждебное влияние Швеции, пытавшейся подобрать под себя всю восточную Фенноскандию. Если с западными финскими народами у свеев были несомненные успехи, и там их влияние медленно, но постепенно росло, то карелы стали именно той преградой, через которую потомкам викингов перешагнуть, идя на восток, уже явно не получалось. И опорой им в этом был Батюшка Великий Новгород.

Подкрадываясь по заросшему кустарником оврагу, Ийбу почувствовал запах дыма. Тянул он явно с того направления, куда и держал свой путь пластун. Дым. Был он совсем не такой, когда горит простое дерево. Тянуло сейчас чем-то прогорклым и тошнотворным, как будто бы от сгоревшего ворса шкур, а иногда так и вообще накатывало тошнотворно-сладковатым запахом сгоревшей плоти. Точно такой же запах уже довелось встретить пластуны в заграничном походе. И это был запах войны и смерти!

Ийбу достал из-за плеча боевой лук и наложил на тетиву стрелу. До цели оставалось всего ничего, и нужно было быть готовым к бою.

Сторожились не зря. Арно, следуя в паре шагах впереди, вдруг напрягся и вытянулся в сторону заросшей боковой расщелины. Помятый мох на камне, сбитый на валежине снег, чуть сдвинутая в сторону ветка кустарника, всё подсказывало хорошему следопыту, что совсем недавно тут прошли люди, и, скорее всего, где-то здесь они и затаились. Но его собака на удивление вела себя сейчас мирно, совсем не проявляя агрессии, значит, опасности она не чувствовала, и карел, сложив руки у рта, тихонько позвал неизвестных особым кличем, принятым только в их роду. Ветка крушины впереди дрогнула и чуть сдвинулась в сторону, а в открывшемся проёме блеснуло острое жало копья.

– Кто тут? – раздался тихий окрик на родном наречии, и Ийбу осторожно выступил из-за валуна.

– Я, Ийбу, сын Тойветту с озера Нуйямаярви, рода Роуккола, шёл в родовое селище, увидел чужих людей и почувствовал дым, что тут случилось, выходи! – ответил пластун, и на всякий случай чуть прикрылся за камнем.

Осторожность, как известно, никогда не бывает лишней!

Из куста с копьём наперевес выступил подросток. С виду ему было не более 14-15 лет. На голове шапки не было, а его когда-то белые волосы сейчас слиплись и потемнели от запёкшейся крови.

– Я тебя узнал, Ийбу, вы два года назад вместе с Ерхо за Ладугу в русскую дружину подались, к их князю на службу. Сказывали у нас, что с большими дарами ты в свою коту на отдых вернулся. Меня Коргей зовут, я младший сын Суло.

Пластун погладил Арно по голове и подошёл поближе. Лицо подростка было осунувшимся, на лице и одежде виднелись следы крови, выбежавшей похоже из глубокого рассечения головы возле самой макушки. Он крепко сжимал в своей руке копьё, а его глаза горели каким-то внутренним лихорадочным огнём.

– Кто ещё с тобой? – задал вопрос Ийбо и заглянул за куст в расщелину.

Сжавшись в небольшую кучку, в самом дальнем углу её сидела женщина с маленьким ребёнком на руках, девушка и ещё двое детей. Все они с огромным испугом уставились на высокого мужчину с оружием в руках, буквально вжимаясь в страхе в каменную стену расщелины.

– Тише-тише, дорогие, свои! Сейчас вас подальше отсюда выведем, не бойтесь, – как только мог, успокоил беженцев Ийбу и выбрался из-за куста обратно в овраг, – Рассказывай! – потребовал он у подростка, присаживаясь на корточки и стянув из-за своей спины дорожный мешок, – Арно, сторожить! – и по его указанию рыжий пёс пробежал шагов десять по расщелине вперёд и вытянулся, усиленно втягивая ноздрями воздух.

– На нас напали на рассвете, – запинаясь, начал свой рассказ Коргей, – Со всех сторон над частоколом взметнулось множество вражеских воинов Хями, потом разом полетели стрелы,

копья и горящие факелы, а выбегающих в панике из своих кот карел начали тут же рубить топорами и колоть копьями. Сначала убивали всех, упиваясь жаждой мести. Затем, видно пресытившись, в основном убивали уже выборочно, в первую очередь мужчин и мальчишек подростков, а так же старых и пожилых людей. Девушек, молодых женщин и детей хватали и тут же вязали верёвками с ремнями. Соппротивление тех карельских воинов, кто успел схватиться за оружие, было подавлено быстро, слишком неожиданным было для всех нападение.

Ему с сестрой Виеной, женой брата Нанхикки и их детьми удалось скрыться по тому потайному ходу, что вёл из селища за частокол. Они решили до ночи затаиться в этой расщелине оврага, а дальше уже выбираться на восток поближе к Ладогге.

– Голову нагни! – скомандовал Ийбу, и, заметив удивлённый взгляд подростка, пояснил, – Рану на голове прижечь надо, рассечение у тебя сильное, от того и кровит до сих пор. Терпи, терпи, – вдавил он его плечо вниз, когда мальчишка попытался вскочить. Такой огненной, жгучей водой мы в бригаде всегда раны друг другу обрабатываем, чтобы потом кровь не испортилась, и огневица не взяла. Всё, перетерпел? – и пластун, убирая глиняную фляжку с крепким хмельным назад в свой дорожный мешок, сочувственно посмотрел на мальчишку.

– Молодец, Коргей, хорошим воином будешь. Замолвлю перед своим командиром за тебя слово, если ты в нашей сотне служить захочешь. У нас уже больше трёх десятков карел есть в бригаде. Только бы нам отсюда к своим выбраться, и всех твоих родичей с собой вывести. Пошли к ним! – и они нырнули в расщелину.

Беженцы всё так же молча сидели сиротливой кучкой, недоверчиво поглядывая на незнакомого воина. И только когда Коргей объяснил всем, кто такой Ийбу, напряжение у людей понемногу спало.

Из мешка были извлечены ржанные лепёшки, вяленое мясо лося и вода в плоской фляге. Не Бог весть, конечно, какая еда, ну да хоть что-то, чтобы всем подкрепиться.

Глядя, с каким аппетитом беженцы хрустели лепёшками, Ийбу поймал на себе заинтересованный взгляд Виены. Девушка была красивая, с правильными чертами лица и большими светло серыми глазами в окаймлении длинных ресниц. Не портил её простой потёртый полушубок и испачканный, как видно, в тайном лазе платок. На вид ей было около шестнадцати-семнадцати лет.

«Самое время в невестах ходить, а не по лесам от врага бегать,» – подумал пластун и с ободряющей улыбкой подмигнул красавице.

Виена вспыхнула всем лицом и спряталась за плечо самой взрослой из здесь присутствующих Нанхикки. Та же, размочив водю лепёшку, кормила ею малыша. Рядом с ней на короточках сидели ещё детки-погодки семи и восьми лет от роду, мальчик и девочка и, глядя на маму с маленьким братиком, они усиленно жевали сушёные полосы лосиного мяса.

Ийбу был молодым воином, вся его ответственность распространялась ранее только на него самого и на его верного четвероногого друга. Теперь же всё разом изменилось. Он был в ответе за эти шесть человеческих жизней, которых нужно было вывезти из враждебной территории, спасти их от злого человека или лесного зверя, прокормить и переправить в безопасное место. А как это сделать, нужно было хорошо и крепко подумать, и все мысли у разведчика теперь были только об этом. Остаться в этой расщелине долго было нельзя, у еми были прекрасные следопыты, и, прочёсывая ближайшую местность после разграбления селения, они непременно наткнутся на свежие следы беглецов. А тут ещё недавно выпавший снежок будет им в помощь. Лесовики читают след по земле как грамотные люди по бересте или же по умной книге. Поэтому следовало срочно убираться подальше к востоку, пока враг сейчас занят в селении, а потом будет отдыхать и праздновать свою победу. Помимо спасения беженцев пластун понимал, что необходимо как можно быстрее предупредить другие карельские роды, ведь вся сила врага сейчас была во внезапности. Карелы были сильным народом и вполне могли за себя постоять, для этого им только нужно было время, чтобы собраться, ну и хоть какие-то знания

о враге, о его численности, вооружении и всего того, что могло бы пригодиться для успешной лесной войны.

Поэтому, все хорошо взвесив, Ийбу принял решение, озвучив его вслух для всех: «Беженцам идти по оврагу, как только можно дальше к востоку. Выбираться из него только тогда, когда он повернёт на юг. После этого выходить на ближайшую тропку и следовать, никуда не сворачивая на восход солнца, в направлении озера Ханхиярви. Ну да там я сам уже догоню, и затем вместе продолжим путь. Веди всех с осторожностью, Коргей, ты за старшего мужчину в своей семье сейчас. Береги женщин и детей, а я вас скоро нагоню.» – напутствовал Ийбу подростка.

И, когда небольшой отряд беженцев скрылся за поворотом, он, неслышно ступая по оврагу, двинулся вслед за своим Арно к селищу. Засад на пути не было, и через короткое время они сумели подобраться к нему на расстояние полёта стрелы.

Селение карельского рода Роуккола стояло на большой поляне. С востока его окаймлял глубокий овраг, а с юга – быстрая и порожистая речка. С запада и севера подступал к частоколу густой и тёмный еловый лес. За ним же, буквально в полдне пути, располагалась огромное озеро Сайма, вернее, гигантская озёрная система, состоявшая из тысячи водоёмов и островов. И как раз по этим-то водным путям, похоже, и нагрянули сюда захватчики. Селение, обнесённое частоколом, сейчас чадило и пылало. Именно от горящих шкур кот и несло тем удушающим смрадом, который чувствовался аж за вёрсты отсюда. Сами нападающие расположились лагерем чуть в сторонке, ближе к северной части поляны и у самой опушки леса. Пластун чётко отслеживал, как от занявшегося огнём, с юга частокола отбежало с десятков людей с факелами, и затем они, уже разделившись, пошли вокруг всего забора, поджигая наваленные под ним кучи хвороста. Во вражеском лагере же царила суeta. Сновали туда-сюда воины, устанавливались пологи и разжигались походные костры. Слышались громкие крики и смех. Вдруг округу огласил истошный женский визг, огромный воин в круглом шлеме и чёрном плаще с хохотом тащил за волосы к стоящему тут же неподалёку шатру молодую женщину. В сидящей на притоптанном снегу тесной толпе пленников началась паническая суeta. Вскочившие с места несколько человек тут же упали на землю под ударами древков копий и дубинок их охраны, а одного слишком буйного мужчину уже оттаскивали за ноги прочь. За ним в снежной борозде алел широкий кровавый след.

Ийбу стиснул челюсти так, что аж скрипнули зубы: «Весело вам!? Подождите, повеселитесь ещё!»

Но сейчас он был попросту бессилен что-либо предпринять. На поляне у становища находилось не менее трёх сотен вооружённых врагов, и сколько их ещё там бродило по окружающим лесам, было вообще непонятно. Большая это была сила для лесного края, и нужно было срочно донести о ней весть на восток.

Соскользнув ползком в овраг, пластун поспешил вдогонку за ушедшими по нему ранее беженцами. Далеко уйти они не могли, с малыми-то детьми не особенно ведь разбежишься по камням, и Ийбу, идя по следу сородичей, планировал их уже вскоре догнать. В очередной раз хозяина выручил лёс. Легко скользя вперед на несколько шагов, он вдруг резко остановился и ошетинился, подавая традиционный сигнал тревоги. Впереди, за изгибом основного русла оврага, уходящего на юг именно в том месте, где беженцы и должны были из него выбираться, следуя на восток к ближайшей тропе, были сейчас люди, и, судя по поведению Арно, их было нужно опасаться. Тихонько подкравшись поближе, Ийбу осторожно выглянул из-за скального выступа. Открывшаяся картина не радовала.

Похоже, вляпались они по полной! Около стоявших испуганной группкой женщин и детей с торжествующим видом вальяжно стояли двое воинов еми. Третий, как видно, приглядывающий за всем сверху на самом гребне оврага, с луком в руках и наложенной на тетиву

стрелой, тоже был весь увлечён тем, что сейчас происходило внизу. Коргей лежал чуть в стороне от всех. Его копьё было отброшено в сторону, а сам он, судя по всему, только недавно сбитый ударом, пытался лишь прийти в себя, озираясь по сторонам.

– Да добейте вы уже этого волчонка, Марти, и самого мелкого с ним заодно, всё равно с них толка не будет, только зря кормить. Да выводите потом всех наверх. Вот и будет нам хороший повод на стоянку к кострам вернуться! – выкрикнул вниз тот лучник, что стоял, страхуя всех сверху.

Здоровый, звероватого вида финн, одетый в лохматую шубу и шапку, весело в ответ оскалился и перехватил поудобнее копьё.

Сжавшееся в тугой узел время сейчас полетело быстрее стрелы, что была выпущена из лука Ийбу.

«В первую очередь выбивать стрелков!» – правило пластунов Андреевской бригады было железное, и оно было написано кровью. Верхний лучник, увлечённый диалогом со своими товарищами, не успел среагировать и покатился, хрипя, вниз со стрелой пластуна в шее.

– Арно, взять!

Бить из лука было нельзя, так как на линии полёта стрелы рядом с врагами находились и сами беженцы, и теперь им с псом оставалось только лишь идти в ближний бой. Лук был отброшен в сторону и, метнув в прыжке в ближайшего к нему врага копьё, Ийбу уже на лету выхватил из ножен свой короткий пластунский меч. Финны быстро пришли в себя, ведь медлительные просто не доживали до возраста матёрого воина, и тут бы, наверное, пластуны и конец. Увернувшийся от летящего навстречу копья, Марти уже сам в ответ бил своим же карелу в грудь. Подвело его только то, что нападали на него двое. Подлетевший чуть впереди хозяина Арно отвлёк на себя часть внимания здоровяка и дал такое спасительное мгновение Ийбу. Отбивая собаку ногой в сторону, копейщик чуть-чуть не рассчитал своего удара, и стальное жало распороло полушубок пластуна, только слегка резанув ему бок. Уже проскакивая сбоку и вперёд ко второму врагу, Ийбу хлестнул в резком полубороте мечом противника, буквально вскрывая ему лезвием шею. Оставшийся пока в живых со своим боевым топором третий молодой финн, видимо, боевого опыта не имел и, запнувшись о неожиданно бросившегося ему под ноги подростка, погиб парой секунд позже.

Буквально пару десятков ударов сердца длилась эта короткая схватка, а казалось, что вымотался как на часовой тренировке в бригаде.

Заполотно дыша, Ийбу подошёл к сидящему на корточках около окровавленного трупа подростку. У того под глазом наливался лиловым цветом огромный синяк, сам же он, казалось, сейчас не в силах был оторвать взгляда от лица финского паренька, что лёжа уставился мёртвыми глазами в небо.

– Совсем молодой ведь он был, Ийбу, чуть лишь старше меня...

Пластун присел рядом и прижал голову мальчишки к груди:

– Он пришёл к нам с войной, Коргей. Пришёл на нашу землю, чтобы убивать. И если бы мы его не остановили, то погибли бы твои родичи и ты сам. Ты настоящий воин, мужчина, и спасибо тебе за помощь. Если бы не ты, может быть, и мне бы довелось тут лежать на вот этом самом месте. Подумай об этом! – и Ийбу пошёл к женщинам и детям.

Все они были свидетелями произошедшей на их глазах схватки и бросились к нему на встречу. Всего-то пару-тройку часов знали они друг друга, а казалось, что уже прошли годы. Обнимая сородичей, Ийбу как никогда сейчас чувствовал себя защитником и воином.

Через несколько минут, когда все уже успокоились, а пластун обработал и перевязал чистой холстиной свой бок, вопрос по срочному отходу на восток встал с прежней силой. Времени терять было никак нельзя. Как видно, остановившееся на постой около разорённого селения войско еми, выслало по ближайшим лесам свои сторожевые дозоры. И на один из них-то и наткнулись недавно беженцы. До утра их теперь вряд ли уже хватятся, а вот потом, разумеется,

будут искать, и обязательно здесь найдут. В этом Ийбу даже не сомневался. Им нужно было срочно уходить.

Бегло осмотрев убитых, пластун из трофеев взял себе только хороший боевой топорик да несколько лепёшек и вяленых рыбин. Брезговать тут было глупо, ведь впереди был долгий путь и куча народу, которых ещё нужно было чем то кормить. Подошедшему и пришедшему в себя Коргею был вручён хороший лук с колчаном стрел от того самого убитого им наверху лучника. Каждый карельский паренёк был обучен лучному бою из простых охотничьих луков, не был исключением и этот подросток.

– Я тоже хочу быть полезна, меня стрелять отец учил, – красная от волнения, Виена стояла перед разведчиком и стеснительно улыбалась.

– Хм, – усмехнулся Ийбу, – Лучшая твоя помощь была бы побыстрее собраться и помочь Нанхикки с детьми, – и, увидев огорчённое лицо девушки, протянул ей топорик, – Держи, это хорошейковки оружие, под пояс засунешь, и тогда твои руки свободными останутся.

Спрятав в ближайшей расщелине трупы и заметя кровавые следы, чтобы они не так сильно бросались в глаза, отряд беженцев поспешил выйти из оврага. Их путь был направлен на восток в сторону Ладоги, а впереди, в паре десятков шагов, сторожко скользили, осматривая всё вокруг, крепкий молодой воин с луком наизготовку и его верный рыжий пёс.

А в Андреевское в это время подходил последний водный караван этого года. На плоскодонных ладьях, дающих осадку всего в полтора-два метра, по самой середине речки Ямницы тянулись в сторону пристани речные суда. Встречать их вышло, казалось, всё население усадьбы. Как же, домой из дальнего заграничного похода возвращалась последняя часть бригады. Те, кто, высадив основные воинские силы прорыва в Матсалуском заливе Эстляндии, дождались снятия датской морской блокады на Готланде. И уже потом, пройдя на больших морских судах-коггах по Вотскому заливу Балтики, по Неве, Ладоге и Волхову, пересели затем в Великом Новгороде на маломерные речные суда, и по Ильмень озеру, речках Поле и Поломети, добрались-таки до ледостава домой. Долгий путь у них был позади, и теперь, выстроившиеся у бортов «ладейщики», раненые и все, кто только был на палубах, махали встречающим их на берегу и перекрикивались в радостном предвкушении встречи.

Глава 3. Возвращение судовой рати

В натоленном штабе бригады было шумно, каждому присутствующему командиру было, что узнать у друзей и просто поговорить по душам с теми, с кем они не виделись более двух месяцев.

Наконец Сотник с улыбкой стукнул тихонько пару раз по столу и, кашлянув, обвёл всю большую комнату своим искрящимся взглядом. Гул голосов постепенно стих, и теперь все присутствующие командиры выжидающе вглядывались в своего воеводу.

– Ну что, друзья, вот мы наконец-то и собрались все вместе. Теперь уже можно говорить, что заморский датский поход для нашей бригады закончился. Мы выполнили все те задачи, что перед нами ставил Высший Господний совет Батюшки Великого Новгорода. Бригада прорвалась в германские земли Гольштейна, соединилась со своими союзниками и приняла участие в главной битве этой военной компании при Борнхёведе. В той знаменитой битве, что закончилась нашей общей победой над войсками датского короля Вальдемара II. Как её итог, влияние Дании во всей Балтике упало после неё ниже некуда. Потеряв большую часть своей регулярной и отменно выученной армии на германской равнине, король сам чуть было не попал в плен к союзникам, – и комбриг с осуждением взглянул на своих ухмыльнувшихся разом заместителей Варуна с Тимофеем, – Да, их величество чуть было сам не попал в плен к нашим союзникам, буквально каким-то чудом избежав плена. Он с остатками своей армии отошёл в исконные земли королевства, заключив с Ганзой, Саксонцами и северогерманскими княжествами мирный договор, уступая при этом им значительные территории и выплачивая большие отступные. Сейчас датский монарх занимается внутренними делами своей проигравшей эту войну державы, и поверьте, ему теперь уже не до наших Ижорских земель или Копорья. Как врага Данию можно смело исключить из нашего длинного списка. Напротив, полагаю, что Вальдемар теперь будет искать мира и дружбы с Батюшкой Великим Новгородом, лишь бы совсем не потерять Эстляндию и прилегающие к ней острова под тем всё усиливающимся в последние годы натиском немецких орденов крестоносцев. И тут уже наши с ним интересы совпадают, – Ну да это уже большая политика и вам, полагаю, друзья, это уже не очень-то интересно, – и, отметив согласно закивавших головами своих офицеров, понимающе усмехнулся, продолжив речь после небольшой паузы.

– Понятное дело, всем нам как-то ближе дела военные. Это Селяновичу всё бы о высших «антиресах» властей распинаться да выгоды всех сторон высчитывать, но так как его с нами сейчас рядом нет, то мы спустимся с небес на грешную землю и продолжим свои дела, – Итак, участвуя в заграничном походе наша бригада, только недавно сформированная, прошла ратную проверку, которая показала высокую боевую выучку, как простых воинов, так и их командиров. Нам пришлось брать крепости и города штурмом, вести лесную пластунскую, морскую и конную войну. В этом походе мы проверили всё своё новое и наработанное нашими ремесленными умельцами оружие. В общем, всё получилось неплохо, и те недостатки и ошибки, которые всё же были, мы ещё отдельно и подробно с вами разберём и ещё не раз подумаем, как бы их можно устранить сейчас и не допускать в будущем. Самое горькое из всего – это то, что мы потеряли в этом походе своих друзей. Из девяти сотен участвующих почти что две сотни сложили в боях свою голову, умерли от ран или же остались калеками. Вечная память павшим героям! Пусть земля им будет пухом! – и Андрей со всеми присутствующими поднялся с места, чтобы стоя почтить память своих боевых товарищей.

Стояли убелённые сединой ветераны, командиры конных сотен Обережного и Дозорного эскадронов, отдельных степной, крепостно-размысловой и пластунской сотен. Стояли командиры ладейной дружины и судовой рати, тыловой команды и лекарской службы, командиры курсов ратной школы во главе с самим начальником школы и стояло всё командование бри-

гады. У каждого из присутствующих кто-то погиб в этом походе, и каждому было кого сейчас помянуть.

– Не бывает больших походов и сражений без крови и потерь, но нужно, чтобы было их как можно меньше. Значит, мы с вами где-то не доработали, господа командиры, что-то не додумали, кого-то не подготовили как следует. Каждый из нас должен подумать, что ещё можно сделать, чтобы уменьшить тот траурный список, что всегда следует за ратными подвигами. Свои соображения попрошу вас изложить на бересте и представить в штаб Филату Савельевичу через седмицу. Больше времени дать не могу, вы уж меня извините. Только что пришедшим с похода нужно дать отдохнуть, а тем, кто уже устал отдыхать, – и Сотник посмотрел с усмешкой в зал, – Продолжить боевую подготовку и готовиться к новому походу.

И увидев, как зашевелились все присутствующие в большом зале, усмехнулся:

– А как вы хотели, чтобы мы тут тихой мышкой в глубине Деревской пятины сидели, когда у Новгорода весь север и запад в огне? Помяните моё слово, месяца не пройдёт, как из стольного града по вставшему зимнему пути весть о крайней нашей нужности прилетит. Пока вон на Балтике датский лев приболел или в своём логове раны зализывает, тут уже другие хищники окрепли, и свежей крови жаждут. Крестоносцы с Ливонии да потомки викингов свеи именно сейчас выбирают тот момент и то место, куда бы им вцепиться при удобном случае можно будет. У себя-то они уже все, что только было можно, прибрали, самых слабых соседей своих порвали или примучили. А тут на востоке столько ещё земли завидной и людей на ней столько, из кому свою веру и власть можно было бы силком навязать. Вот и остаётся думать да гадать, кто же из них первый и куда нанесёт свой удар. Князюшка наш Ярослав Всеволодович да бояре новгородские чай не глупее нас будут, видят сию угрозу и что-то предпринять обязательно должны будут. Ну а мы вместе с княжьей дружиной как раз именно и есть то оружие, коим только что названных хищников остановить можно. Ополчение народное в бой пойдёт только тогда, когда враг у самых ворот будет, а до этого только обученное дружинное войско ратиться будет, и мы к нему, братцы, уже с вами теперь принадлежим. Так что, готовьтесь исподволь к новому походу. У штабных вон уже скоро волосы из голов выпадут, они уже давно всё кумекают наперёд целыми днями, – и командир с улыбкой посмотрел на нахмурившегося и что-то чиркающего на листовой бересте начальника штаба Филата.

– И в заключение, прибывшим командирам до завтрашнего обеда подготовить наградные на всех тех, кто у нас отличился в походе. Основная дружина свои награды уже получила, а третий курс школы, помимо всего, ещё и воинские береты с погонами надел. Я правильно говорю, Кочет Свирьевич?

И с места, блестя новеньким орденом Святого Владимира IV степени, вскочил рыжий подпоручик, начальник воинской школы отроков:

– Так точно, господин майор, весь третий курс ратной школы, что участвовал в походе и в главном сражении, был награжден медалями «За храбрость» первой степени с причитающимися к ним премиальными. А двое курсантов Ооска с Игнаткой, проявивших особую храбрость в сражении при Борнхёведе и спасшие там командира, получили и вовсе по Георгиевскому кресту. И самое главное, за особую доблесть проявленную курсантами, весь третий курс был переведён в разряд строевых бойцов, с заменой их курсантских серых беретов и погон на зелёные, воинские.

– Молодцы мальчишки!

– За дело, храбрецы!

– За дело, всё справедливо! – раздались с мест возгласы командиров.

– Ни один пацан не дрогнул в бою! А уж как они свою песню орать перед рыцарями начали, так у нас аж мурашки по спине побежали, мы и сами не заметили, как её потом все подхватили!

– Все, верно, отличились мальчишки, – с улыбкой кивнул Сотник, – Хорошая вам, старики, смена растёт, так и на печь скоро можно будет лезть да бока греть, – и подмигнул ветеранам.

После ухода офицеров в штабе остались только старшие бригадные командиры, первый заместитель Тимофей, начальник штаба Филат, старший по разведке Варун и начальник по всему тыловому хозяйству Лавр Буриславович. Из всех именно Буриславович отвечал за доставку на родину последней части бригады. И сейчас, сидя среди друзей, осунувшийся и постаревший ветеран рассказывал о всех тех трудностях, что предшествовали этой встрече.

– От Матсалуского залива западной Эстляндии, мимо острова Сааремаа мы конечно проскочили удачно. Видать, тому поспособствовала ненастная погода и то, что нас тут явно не ждали. Единственное дозорное судно данов, что случайно наскочило на нас уже при самом выходе из пролива Соэла, четыре ушкуя Редяты Щукаря, да пара наших ладей Бояна Ферাপонтовича буквально разорвали «на раз». Её команда даже сигнал тревоги-то подать толком не успела, как её выкошенную стрелами и болтами добили уже на палубе наши абордажники. В общем, дошли мы до Готланда удачно. Пересидели там три седмицы, под ремонтировались и отдохнули, раненые опять же окрепли при хорошем уходе. А как весть пришла о снятии датской блокады с Вотского залива, так сразу же все на родину и двинули. Корабли гружёные весьма у нас были, столько тяжёлого металла, стекла и прочего товара из германских земель вывозили, подумать сейчас даже страшно! Боялись не дойдём мы с такой-то низкой осадкой до Батюшки Великого Новгорода. Ну да Бог миловал. Осенняя вода высокая была, благо, дожди поспособствовали, да и в мореходном искусстве наших шкиперов опять же ни у кого сомнений не было. В общем, добрались мы до столицы. Там за три дня всё перегрузили на речные ладьи, попрощались с немцами, капитанами морских коггов да с их командами, с нашими отчаянными ушкуйниками Редяты, что, кстати, тебе, Иванович, низкий поклон шлёт, ну и, помолясь на святую Софию, двинулись уже речным караваном сюда. Дальше всё у нас было как в мельтешении каком-то. Спешили мы до усадьбы добраться, пока река льдом не встала. Как-никак уже середина ноября миновала. Иной раз, когда по тихой-то воде идёшь, так даже ледок под вёслами или носом ладьи похрустывает. Но как видишь, всё-таки добрались мы до дому. Осталось вот только всю ту тяжесть, что сюда притащили, аккуратно так выгрузить. Да ещё и сами суда в сараи на зимнее хранение и ремонт затащить, чем уже, полагаю, с завтрашнего утра мы и займёмся.

– Устал поди, старый? – сочувственно толкнул Буриславовича плечом сидящий рядом с ним Варун, – Вон как осунулся-то, и седины плешь аж с пол макушки выгнала. Помню, когда с тебя шлем на той херманской равнине слетел, так ты вроде как ещё волосатым был. Как кузнечик скакал со своей пикой, словно тот молодой парубок за посадскими девками, – и друзья засмеялись, разряжая деловую обстановку.

– Ну да, ну да, посмотрел бы я на тебя, Фотич, какой бы ты с такой заботой стал. Одного стекла только две сотни пудов на себе тащили. А это каждое стёклышко лыком и войлоком проложи, в трюме стопку укрепи, распорками и клиньями придержи и ходи потом рядом, даже не дыши. А представь только, всё вот это перегружать, да так, чтобы ни одно стёклышко бы при этом не треснуло и не разбилось. Дорогое же оно, аж самому от этого страшно. И это только по стеклу, а сколько забот по пропитанию, по одежке да по раненым. Ты бы, Фотич, не то, что волос от забот лишился бы, а вообще поди бы высох как тот самый Кашей.

– Ладно-ладно, старый, ну чё ты разбурчался-то из-за этих волос, домой придёшь, так Марфа загладит всю макушку с внучатками.

И все снова рассмеялись.

– А мы тебя, как совсем смеркается, отмоем, отпарим в баньке, у нас же, сам знаешь, чудо бани – живительные. Даром, что их по иноземному обзывают уже многие – термами.

– Шалишь, брат! Баня, она и есть издревле – баня, завсегда на Руси. Сейчас-то там все, кто прибыл, отмокают, отпариваются поди. Ну а мы уже по-стариковски к ночи ближе поскребёмся, чтобы значится молодёжи не мешать, правильно, Иванович?

И Сотник с улыбкой кивнул, глядя на старых друзей.

– Но сначала я всё же к Марфутке заскочу с внучатами, полгода почти с роднёй не виделся.

– Само собой, само собой, – закивали понимающе ветераны, – Родня – первое дело в нашей жизни, не зря имена-то схожие: Родня, Род, Родить, Родина, самые главные-то слова будут!

Все потянулись к выходу, а Буриславович, чуть задержавшись, вытянул из-за пазухи какой-то кожаный свёрток и подал его командиру.

– Иванович, я тут в запечатанном воском мешке тебе грамотку от князя привёз. Пока мы под загрузкой в Новгороде стояли, Ярослав Всеволодович к себе меня на княжье подворье за город зазвал. Попотчевал там яствами, расспросил о походе внимательно, о делах ратных и о мирных в нашей усадьбе, а потом для тебя запечатанный пакет отдал, чтобы, говорит, самому Андрею Ивановичу только лично в руки сие письмо, попало! И никому другому, окромя командира, не отдавать его. И ещё, – и Лавр смущённо так крикнул, глядя на Сотника.

– Ну, рассказывай, Буриславович, что ты мнёшься-то как чужой? – с интересом глядя на тыловика, спросил Андрей.

– Дык, он мне всё вопросы такие чудные задавал. Дескать, смогли бы мы месяца три в самую студёную зимнюю пору в дальнем бы походе осилить. В достатке ли одёжи и всякого прочего зимнего припаса у нас. Ну и вообще, много ли воинов из карельских родов у нас, и нет ли кого из тех, кто ещё западнее их живут, из племён еми и суми, стало быть.

– Ну а ты что ему ответил-то? – с усмешкой спросил своего заместителя по тылу Сотник.

– Да то и ответил, что коли будет такой приказ, так и зимний, и летний поход мы осилим. Чай не в первой уж нам самую в лютую стужу воевать. Вона как о прошлогоднюю зиму под Усвятами в январе да феврале от мороза-то деревья трещали, а мы то ведь ничего, выстояли, и литвин тех вдрызг разделили.

– Что, так и сказал князюшке-то? – опять усмехнулся Сотник.

– А так и сказал, Иванович, и по карелам, что есть у нас два-три десятка из добрых бойцов. И по западным, что нет их у нас. И по зимнему припасу ответил, что мало у нас его совсем, и что одёжи тёплой всего ничего осталось, а что если и есть, так и та после прошлой войны с литвинами вся-то поизносилась, – и Буриславович с самыми что ни на есть чистыми и невинными глазами посмотрел на командира.

– Эх, и лис ты, Лавруша, ну чистый хитрован! – захохотал в ответ Сотник, – У самого склады от зимней рухляди ломаются. Две бригады еще поди в неё одеть можно, а ты всё туда же «Подайте Христа ради полушубков сотен пять-шесть, а то нам носить нечего, и про меховые сапожки с валенками ещё не забудьте!»

И он хлопнул тыловика по плечу:

– Всё правильно, Буриславович, у хорошего хозяина всякое добро завсегда сгодится, ну а нам на то грех жаловаться! – и хотел было выйти из избы.

– Там, Иванович, ещё кой какая весточка для тебя вложена, – тихо промолвил Лавр.

– Что-о? – протянул непонимающе Андрей.

– Нуу, это, – мялся Буриславович, – Перед самым нашим отходом из Готланда мне с герцогиней довелось увидаться. Мы тогда готовили когти к плаванию, а она как раз в Уппсалу в королевскую резиденцию Швеции готовилась отплывать. Там же вот на пристани и передала этот запечатанный свиток. Грустная была очень... И ещё, – и ветеран как-то странно засмущался и отвёл глаза в сторону.

– Ну, что ещё, говори же, не тани! – неожиданно горячо даже для себя самого вскричал взволнованно Андрей, пристально вглядываясь в собеседника.

– Хм, прости, Андрей, не моё, это конечно, дело, но как смолчать-то тут, – вздохнул, вороша на голове пятернёй кучные волосы, старый друг, – По всему видно, что не праздна она. Вот такие вот дела...

– Чего-о!!! – только и смог протянуть огорошенный последними словами Андрей и, разом поблуднев, присел на лавку.

– Ну, того! По всему видать, что тяткой тебе быть ещё раз сподобилось, Андрюх, а что же ты хотел то?! Так-то мужик ты хоть куда, хотя уже не молодой, конечно. Марта, значит, баба тоже справная, хотя опять же, конечно, херцогиня. Но, с другой стороны, ведь херцогиня – это ведь тоже женщина! – перечислял Сотнику очевидное Лавруха.

– Ё моё! – только и смог протянуть, сидя, Сотник, – Как так-то?!

– Хм, ну бывает так, что уж тут! – улыбнулся Буриславович, – У самого вон четверо, а то не знаешь, как это? Ну, вот и пятый, Бог даст, значит, будет.

– Да я не о том, Лавр, ты хоть сам-то представляешь, какого ей там, в этой Уппсале, в королевской резиденции находиться. Да её же теперь живьём сожрёт вся их тамошняя свора! – и, громко застонав, Андрей схватился обеими руками за голову, – А я-то, дурак, мимо ушей всё пропустил! Она же мне сама ещё на обратном пути говорила, что у неё вообще аппетита нет, и что тошнит её весь обратный путь. А я «качка» говорю, «ничего, на твёрдой земле непременно полегчает,» а она мне ведь только улыбнулась в ответ.

– Ну почему она мне сама об этом всё тогда не сказала, а, Лавр? Ведь всё можно было бы изменить, забрал бы её с собой, и не один конунг бы до неё в наших лесах не добрался! – и Андрей аж взвыл, представив, каким опасностям сейчас подвергается его возлюбленная.

– Ну, не знаю, не знаю, Иванович, женская душа ведь она такая, загадочная. Я вон до сих пор свою Марфу и не враз-то разгадаю, хотя душа в душу больше трёх десятков годков вместе уже прожили. Ну, я пойду может?

И, сочувственно взглянув на командира, он бочком проскользнул на улицу.

А Андрей так и остался сидеть, и что теперь со всем этим делать, ничего ему пока в голову не приходило.

Глубоко вздохнув, он снял с себя верховую одежду, зажёл пару светильников и, сев за свой рабочий стол, вскрыл ножом проволочный кожаный мешок.

Первым на столешницу выпал маленький свиток со знакомым именным оттиском перстня Шведской герцогини Марты Эрриксон, дочери короля Швеции Эрика X Кнутссона и родной сестры ныне правящего короля, Эрика Шепелявого. В волнении вскрыв сургуч, Андрей углубился в чтение, уже совершенно машинально переводя всё со старославянского на привычный язык своего разума.

«Дорогой Барон Андреас! Мой Андрей! Я очень по тебе скучаю. Каждый день, вечер или ночь передо мной стоит твоё лицо. Я вспоминаю наши разговоры, все наши дни и, прости, наши ночи. Судьбе было угодно нас свести в этой жизни и так же затем разъединить. Знай, что бы со мной не случилось в дальнейшем, я была по-настоящему счастлива только с тобой. Прости свою девочку за всё то, что было сказано или сделано не так, или же не к месту. Мы тебя любим!»

И большая клякса буквально размыла подпись из средневековых чернил.

«Мы тебя любим, мы тебя любим,» – повторял Сотник, словно вглядываясь в верстовую тысячную даль, держа в руке серебряный образок Девы Марии, подаренный при прощании милой.

– Я что-нибудь придумаю, моя Марта, подождите немного.

Он не знал, как и что он вообще может сделать в той ситуации, когда его возлюбленная находилась в чужом, сильном и враждебном ему государстве. Но опускать руки было тоже не в правилах Сотника. Он обязательно что-нибудь придумает, только дайте ему на это немного времени.

За столом уже сидел не раздавленный и сломленный тоской человек. Теперь за ним сидел мужчина, воин, готовый драться за своих близких и нести за них ответственность.

Повертев в руках большой запечатанный лист пергамента, выделанный из тонкой кожи, Андрей вскрыл сургуч с большой княжьей печатью и углубился в чтение.

«Здрав будь, Андрей Иванович! Командир славной новгородской бригады и барон Любекский!»

– Хм, и тут озорной князюшка без этих своих шуток-подколочек не обошёлся, отметил-таки в послании мой новый заграничный титул, – подумал Сотник и продолжил чтение.

«Слава о ратных подвигах Андреевской бригады у всех на устах в Великом Новгороде. Не каждому сия слава по нутру. Есть тут среди господ и те, которые воду мутят. Дескать, незачем было Герцогство Эстляндское конницей ворошить да Ливонских крестоносцев вовсе не нужно было тревожить. И города да крепости брать в германских землях и в датском королевстве, дескать, никто Андреевской рати не приказывал. Но сам я тут по-другому думаю. Вы показали, что русскому воину по плечу любое ратное дело, будь то на море, в крепости, али и вовсе на широком ратном поле. Пусть враг боится нашего булатного меча и скулит в своём логове, всегда ожидая удара, а не лезет к нам за поживой на землю русскую.

Высоким Господнем советом признана в итоге вся правильность и полезность ваших деяний. За проявленную доблесть Андреевской дружине будет жалована большая и заслуженная награда. Но да то, дела Посадника с Тысяцким, и я в то, в ихнее, не касаюсь.

У меня, Андрей Иванович, к тебе и к твоей бригаде будет отдельное ратное дело, и о том я пишу тебе прямо. Понимаю, что вы не успели хорошо отдохнуть после такого большого похода, однако прошу тебя как друг, а даже не как Новгородский князь. И ещё прошу о вашей ратной помощи как воин – воина.

Высоким Господним советом задуман большой поход в земли западнее Ладоги. Наши давние данники и союзники, племя карела, терпят в последнее время постоянные набеги, всяческое притеснение, тяготы и кровопролитие от своих западных соседей финских племён еми и суми. Те в своё время ещё при великом князе Ярославе Мудром Великому Новгороду дань платили. Но уже вот как пять десятков лет без малого, как они отложились от сей тяготы, а затем и вовсе свеям поклонились. Теперь же с их науськивания и поддержки и вовсе наших верных данников и союзников карелу стали примучивать. Коли не защитим мы карелу, так побьют их, а сумь и емь на Ладоге тогда встанут и утвердятся. А там будут уже и самому Великому Новгороду разореньем угрожать, торговые пути ему перекроют, а самое страшное, что с ними на Ладоге и Швеция утвердятся. Тогда и вовсе тяжко нам станет.

Дабы не допустить всего этого и пресечь сие безобразие, в последних числах декабря я со своей дружиной вместе с ушкуйниками иду в зимний поход. Коли надумаешь, милости прошу и вас в наш ратный строй, тогда мы совместно задуманное дело сотворим.

Сбор всех войск предполагаю на своём загородном подворье, на Неревском конце, у реки Веряжки.

Весь съестной припас, корм для коней, тёплую рухлядь и всё прочее, в чём только какая нужда будет, Высокий Господний совет предоставит вашей рати с избытком.»

Внизу оттиск личной княжеской печати и дата.

Всё было как обычно кратко и ёмко, как раз в стиле Ярослава Всеволодовича. Что-то подобное Андрей и предполагал, слушая рассказ Лавра Буриславовича о странных вопросах князя при беседе после их возвращения из заграничного похода. Да и по тем отголоскам памяти из прошлой жизни что-то подобное о походе новгородцев в финские земли тоже подсудно всплывало в его сознании. Никакой конкретики, правда, в этих «отголосках» не было, кроме того, что после удачной для Новгорода зимней компании, обозленная сумь и емь совершила в отместку через какое-то время новый набег на приладожские земли. И опять же там была битва. Ну да это всё было в другой жизни, а как оно повернётся тут, было совсем ему теперь непонятно, и так вон сколько нового пришло в это время с его появлением. Так что, как говорится, поживем-увидим, – и Андрей, убрав пергамент, направился проверить, как разместились вновь прибывшие, и в первую очередь раненые.

Глава 4. Уппсала, столица королевства Швеции

В зале приёма королевского дворца Уппсалы было жарко и сумрачно. Хотя и горело тут более двух десятков смолистых факелов и жировых светильников по всем бокам, но света всё равно было мало, и смутные тени стояли в углах, искажая лица присутствующих, оттого делая их ещё более резкими и неприветливыми. Да и как тут было выглядеть по-другому, когда на малом королевском регентском совете обсуждались вопросы, касавшиеся всех многочисленных кланов и родов Швеции. Со времён древних Инглингов не было покоя и стабильности в королевстве. При установившемся со времён викингов выборном начале, власть тут передавалась конунгам из трёх самых могущественных родов, носивших имена своих основателей: Стенкиля, Сверкера и Эрика. Возникшее из владевшей землями древней крестьянской аристократии дворянское сословие, являясь опорой в военных делах, набирало всё больше веса на общественных собраниях – тингах. Из их среды тоже начали выдвигаться несколько сильных родов, также требовавших свою долю власти. И самым сильным здесь был род Фолькунгов, вышедший из потомков вестготов. Любому королю Швеции приходилось учитывать все разногласия и чаянья родов и кланов своих поданных. В противном случае, шатающийся трон занимал другой, более удобный претендент, а прежнего монарха в лучшем случае ждало изгнание, ну а в худшем – смерть, причём зачастую со всей своей семьёй и близкими из проигравшего борьбу рода.

Шумные дебаты уже подходили к концу, Эрик XI Шепелявый обвёл взглядом длинный стол, за которым заседали разгорячённые спорами представители основных шведских кланов и вновь постарался примирить все враждующие стороны.

– Славные сыны Швеции, не время враждовать и считать ошибки у своего соотечественника и соседа. Сейчас самое время объединить все наши силы для того, чтобы усилить нашу общую державу. Морская владычица Дания ослабла в противостоянии с Ганзой и Саксонцами. У немцев, в свою очередь, весь интерес сейчас – это выдавить датчан на их острова и забрать под себя земли в Эстляндии и Ливонии. За Готланд мы можем пока больше не опасаться. Он теперь никому не по зубам, и пришло уже время сосредоточить свой взгляд на востоке. Только там, в Тавастии, мы можем прирастить королевство новыми землями и данниками. Край тот богат мехами, что так ценятся во всех странах и приносят хороший доход. Жители же этой дикой страны делятся на три народа Суоми, Хями и Карела. Мира между ними и раньше то не было, а теперь же с нашей помощью там и вовсе идёт затяжная война. Нам осталось только помочь западным тавастам против восточных карел, и тех изгонят за Ладогу, а там уже и исконные земли русского Новгорода начинаются. Богатые, замечу вам, земли. Пройдёт немного времени, и мы сможем покорить все местные финские народы с помощью креста и меча, а там уже займёмся и самими русскими. Папа Григорий IX обещал мне продолжить дело своего предшественника Гонория III, поддержать все наши деяния на востоке и даже, более того, объявить и благословить крестовые походы против язычников Тавастии и против Руси. А это значит, что, если разразится война с Новгородом, то мы в ней будем не одни, и в общем натиске на Русь нас поддержат Ливонские ордена немцев крестоносцев и многие другие западные народы.

Уставший от такой длинной речи Эрик сделал длинную паузу, собираясь с силами. Король был весьма слаб физически, и его постоянно мучили головные боли.

Кнут Хольмгерссон, Глава Регентского совета при короле, сидящий напротив монарха, сделал недовольное лицо и, воспользовавшись повисшей паузой, постарался набрать политических очков в вечной гонке за власть.

– Все мы знаем, как Его Величество ревностно отстаивает интересы нашей державы и... – Кнут, сделав постное и бесстрастное лицо, закатил глаза к закопчённому потолку... – И, в первую очередь, интересы своего личного трона.

Все, кому адресовалось это послание, зашептались на своих местах и закачали согласно головами.

– Ему, в силу сложившихся обстоятельств, – и Кнут печально развёл руки, – Не идти со своими славными войсками в битву, как это сделал только недавно его ближайший родственник, храбрейший король Дании Вальдемар II, да и другие князья, и монархи с противоположной Вальдемару, германской стороны. За всё на поле брани придётся платить кровью нам, верным подданным королевства. Готовы ли мы все выступить сейчас на войну с Русью? Ещё четырёх десятков лет не прошло с тех пор, как прошли эти русские вместе с карелами по нашим прибрежным городам и землям. Не зря в их главном новгородском храме Софии стоят Сигтунские врата, вывезенные из разрушенной до последнего камня нашей старой столицы. А до нас тут ещё слухи доходят, что не слабей прежнего сейчас русская земля, и даже в том кровавом сражении при Борнхёведе принимало участие её войско, пробившись в германские земли и затем вернувшись к себе обратно. Тут надо много раз подумать, стоит ли нам так огульно бросаться в войну с таким сильным противником. Не лучше ли исподволь, руками тех же прикормленных тавастов, да с помощью малых сил втянуть Новгород в затяжную войну, ослабить все силы противоборствующих сторон, а уж потом и прибрать всё к своим рукам?

И многие головы на королевском совете закивали согласно головами.

Молчал Эрик, прекрасно понимая, что не время ставить на место этого выскочку, слишком пока слаб его шатающийся трон. И совсем уже притупил он свой взор, прикрыв рот платком, словно бы в кашле, когда главный регент нанёс ему последний, по-змеиному точно рассчитанный удар, ударив по самому слабому месту короля, по его семье.

– Все мы скорбим по той причине, что у короля пока нет законного наследника, чтобы передать ему затем всю высшую власть в стране, конечно же, с одобрения всеобщего тинга и, в первую очередь Высокого Совета, – и Кнут Хольмгерссон с обвёл взглядом всех собравшихся за огромным столом, – Тем печальнее, что до нас доходят слухи о якобы имевшей место быть хм...некой дружеской связи между герцогиней Мартой и тем вождём из новгородской дружины, что как раз и совершил столь дерзкий поход в германские земли, и где, сказывают, добыл для себя и своего войска великую славу. Ещё и получив к тому же титул Барона Любекского. А Любек это, на минуточку, господа, один из тех двух городов, что его войско взяло приступом, причём попутно, идя на своё главное поле брани морем. Всё это, конечно, очень неприятно и было бы хорошо, если бы Его Величество решил бы сам все те возникшие неприятные вопросы в своей личной семье.

И Глава Регентского Совета с масляной улыбкой воззрелся на монарха.

В зале всё стихло, и только было слышно, как потрескивают дрова в огромных каминах по бокам, да шипят выгорающей смолой факела.

Крыть тут было нечем, и, совладав с волнением, Эрик, подняв глаза, прошепелявил:

– В своей семье я всё улажу сам. По восточным делам пусть всё идет так, как вы и задумали. На этом сегодняшний совет предлагаю закрыть.

Свой сегодняшний бой, в своём же личном дворце король проиграл «в сухую», и он словно физически почувствовал всю эту шаткость и слабость своего трона, и не последней в этом была заслуга его родной любимой сестры. Король шёл по тёмным переходам вглубь дворца, туда, где жили его самые близкие в этом мире люди, единственные, кому он мог доверять и кто любил его таким, какой он был: хромым, шепелявым и уродливым человеком.

– Подождите за дверью, – кивнул он двум своим телохранителям и, шагнув в комнату, плотнее прикрыл за собой дверь:

– Добрый вечер, сестра, у тебя тут как всегда чисто и уютно.

Поднявшаяся со скамьи высокая и белокурая девушка что-то перед этим вышивающая, отложила платок в сторону и вежливо поклонилась королю.

– Я рада, что тебе у меня нравится, брат, только ты в последнее время почти совсем не заходишь к своим сёстрам Марте и Ингеборге. Я-то всегда могу найти, чем себя занять, а вот младшей совсем непросто сидеть в этих мрачных стенах после такого интересного летнего путешествия, – и тёплые воспоминания осветили мягкой улыбкой лицо Марты.

Глаза Эрика же оставались сухими и бесстрастными.

– Давай присядем и поговорим по душам. Я как раз хотел обсудить это ваше последнее путешествие на Готланд и ещё дальше в Голштинию, и как вы его там все вместе провели.

У Марты буквально опустились руки, и она тихонько присела на скамейку.

– Что ты хотел бы от меня услышать, Эрик?

Король искренне любил свою сестру, пожалуй, что это был единственный человек в этом мире, кто принимал его таким, какой он был, не обращая внимания на все его физические недостатки. Марта была именно той, кто относился к нему с нежностью и любовью. Но всё же он был монарх, и на его плечах висела ответственность перед всем родом Эриков и перед всей верховной властью королевства.

– Ответь мне прямо, Марта, тебя что-то связывает с этим русским бароном Андреасом, что спас тебя в морской битве и с кем вы совершили путешествие в германские земли, а затем обратно на Готланд?

Как видно, Эрику было нелегко задавать такие непростые вопросы, и он буквально побагровел, а его голова начала снова резко дёргаться от мучившего нервного тика.

Руки Марты перебирали шёлковый платок с вышивкой, на её щеках выступил лёгкий румянец, и, немного помолчав, она подняла взгляд своих огромных голубых глаз на брата.

– Да, Ваше Величество, если Вы хотите это услышать от меня, то я скажу всё, как есть, без утайки. Всё равно, как я понимаю, до Ваших ушей уже дошли какие-то слухи. Если меня что-то и связывает с Андреасом, то это, Эрик, называется Любовь. Кроме него мне просто больше никто не нужен. И я прошу Вас, мой великодушный король и мой любимый брат, отпустить меня к нему. Свой титул герцогини Швеции я готова с себя сложить добровольно, чтобы только не подвергать нашу династию внешним угрозам и риску. У нас в семье, кроме меня, есть ещё Ингеборга, да и Вы, Ваше Величество, Бог даст, ещё возможно сможете стать счастливым отцом, найдя себе человека по сердцу, как это произошло этим летом со мной.

Эрик, не дослушав до конца, вскочил со своего места и, нервно подволакивая ногу, заходил по комнате.

– Как ты так легко можешь только говорить такое, Марта! И от кого я это слышу, ладно бы от взбалмошной и легкомысленной Ингеборги! Так нет, ты же была всегда такая грамотная и разумная! Неужели же ты не понимаешь, что своим поступком ты наносишь удар по всей нашей династии и даёшь такие козыри в руки её врагам. Да они даже не мечтали их получить, и теперь это лишь вопрос времени, когда по мне ударят. Пять! Пять родов рвутся сейчас к власти в нашем королевстве! И наш шатающейся трон только и держится лишь от того, что они пока что грызутся между собой и не хотят пропускать вперёд никого другого. А тут эта связь родной сестры монарха, герцогини крови, с военным вождём чужой и враждебной нам державы! Ты хоть об этом подумала?!

Марта вскочила с места и, прижав руки к груди, воскликнула:

– Но почему нашим странам не быть добрыми соседями и союзниками?! В конце концов, Эрик, ведь в тебе, так же как и во мне течёт такая же русская кровь. Кровь нашей новгородской бабушки, княгини Софьи!

– Лучше помолчи, Марта, ты вообще ничего не понимаешь в политике, или твои мозги перекосило от этой самой любви! – в гневе закричал Эрик, – А я говорил вам, что во всём виновата эта необузданная славянская кровь! Сейчас ты своей связью уже сорвала мне всеобщий поход на восток, тот великий поход, который бы укрепил мою власть и дал бы нашей державе такие нужные всем нам земли и богатства! А я ведь уже начал к нему подготовку.

Теперь же, по твоей милости, я спутан ограничениями этого регентского совета и уже шагу самостоятельно не смогу сделать без его одобрения! И во всём этом виновата именно ты! Я немедленно выдам тебя замуж за первого претендента высокой крови, и ты уже не посмеешь мне в этом перечить!

Таким злым и враждебным Марте никогда прежде не доводилось видеть своего брата. Он был совершенно нетерпимым и чужим. Ни разу ещё ранее не позволял он себе кричать на сестёр или же унижать кого-либо из семьи.

Румянец схлынул с щёк Марты, уступив место бледности, и, приняв гордую величественную осанку, она уставилась своими потемневшими до яркой синевы глазами на Эрика. И словно бы окатила его холодной водой: – Ты забываешься, мой венценосный брат, что я не служанка или какая-нибудь там рабыня, а член королевской семьи по священному праву крови! И даже лиши ты меня права титула герцогини, в моих жилах всё равно будет бежать кровь первого короля Швеции, коронованного церковью, Благословенного Эрика X Кнутсона, нашего с тобой отца. И выдать меня насильно замуж у тебя уже точно теперь не получится, братец! Знай, что я жду ребёнка от своего возлюбленного, барона Любекского Андреаса, и нравится тебе или нет, а в моей жизни будет лишь один мужчина!

При последних словах собеседник Марты вздрогнул как от удара и буквально осел на скамью, а в комнате герцогини нависла гнетущая тишина.

– Это конец, – тихо пробормотал король, – Ты хоть понимаешь, что ты наделала, Марта? Теперь, боюсь, даже я не смогу тебя защитить. Ты погубила и себя, и, скорее всего, всю нашу семью. Теперь-то уж враги точно найдут, как и когда им по нам ударить, используя вот это твоё сомнительное положение. Ты должна срочно избавиться от ребёнка, Марта, ты меня слышишь?! – в исступлении выкрикнул Эрик, – Срочно! Пока что-то ещё можно скрыть!

– Два десятка лет назад на свете появился маленький мальчик, – вдруг тихо заговорила герцогиня, – Он получил сильнейшее увечье при рождении. И он вообще бы не должен был выжить. Но он выжил, потому что его любили его близкие и потому что они все искренне молились за его жизнь. Положение семьи и тогда было шатким, «Откажись» – нащёпывали по углам его отцу высокородные конунги и ярлы, «пусть он умрёт, этот уродец!» Но близкие не отказались от маленького мальчика, они не предали его, и, когда один из злопыхателей всё-таки захватил в стране его отца власть, то вся его семья, вся, до единого человека ушла в чужую страну в изгнание. Этого мальчика звали маленький Эрик, и, преодолев все трудности, он затем вырос и стал великим королём Швеции Эриком Эрикссоном XI, с которым сейчас считаются все великие правители мира. А теперь этот выросший мальчик хочет, чтобы умер его ещё не рождённый племянник, он уже сейчас отказался от него, потому что до дрожи боится за свою власть. Ну, так я скажу этому мальчику, ставшему сейчас королём. Ваше Величество, я не откажусь от своего возлюбленного и от своего ребёнка. Вы вправе лишить меня жизни, если так будет легче для Вас и для всей нашей династии. Что ж, пусть так и будет, но тогда мы умрём вместе с моим ребёнком, а Вам пусть Бог будет судьёй!

– Я услышал тебя, сестра, – тихо прошелестел губами Эрик и вышел прочь за двери покоев.

Глава 5. Архип

Ноябрь 1227 года пришёл на новгородскую землю со студёными, пронизывающими насквозь ветрами, и с затяжным дождём, который в очень скором времени сменился на снегопад и на раннюю позёмку.

По всем приметам подступающая зима обещала быть ранней и очень лютой. Всё живое, как могло, утеплялось и готовилось пережить эту суровую пору. Медведи залегли в берлогу пораньше. Мягкой травой, мхом и комочками шерсти устилали гнёзда белки и лесные куницы. Лисы, волки, рыси, копытные, все звери, не имеющие постоянного зимнего логова и не впадающие в холода в спячку, покрылись особенно густой и тёплой подпушкой, помогающей им стойко переносить большие морозы и сохранять в теле тепло.

Андреевское так же утеплялось. Все избы и строения в поместье были плотно проконопачены традиционной конопаткой, просушенным красным болотным мхом, перемешанным с паклей, основу которой составляли отходы от переработки льна и конопли.

Густо дымили по утрам трубы изб и огромных казарм от протапливаемых внутри них печей. Главная посадская истопная-котельная коптила теперь небо круглосуточно, пережигая за сутки массу дров, и котловым истопникам в ней всегда было много работы. Обогревать требовалось множество построек, начиная с цехов литейно-кузнечного и оружейно-механического заводиков, суконно-прядельную, портняжную и кожевенную артели, гончарную мастерскую, пекарни, теплицы, птичник и свинарник, и ещё множества отдельных мастерских и всевозможных производств. От неё, как от центра паутины, шли во все стороны под землёй трубы с подающимся в помещения горячим воздухом.

Вопрос с потерей теплоотдачи друзьями Аристархом с Осипом был решён с помощью изоляции труб, набитыми внутри них керамзитом, таким глиняным просушенным материалом, имеющим крайне малую теплопроводность. Наверху, по земле, над каждой из центральных линий отопления стояли особые теплички. Именно на них ушли многие сотни пудов дорожного стекла, привезённого из-за моря. Воистину драгоценными должны были быть все те диковинные фрукты и овощи, что закладывались сейчас в них на посадку. Ну да, Сотник со своим хозяйским советом толк в деле знал, и все проживающие в поместье всё новое принимали достаточно спокойно, потому, как у каждого на слуху были многочисленные истории, подтверждающие правоту местной власти.

Вот взять хотя бы дело с крестьянином Архипкой, упрямым и своевольным мужиком из Смоленских, что поселился со своим большим семейством на дальней росчище у Лосиной пади.

Каждому из заселявшихся поместная плотницкая артель строила избу пятистенку и пару хозяйственных построек в виде сарайки да амбара в придачу. Печники выкладывали в избе печь. Управляющий Парфён Васильевич выделял, глядя по количеству едоков, съестного на первое время, кухонной утвари, полотна, ну и всякой там домово́й мелочи для хозяйки.

Первичный мужской инструмент и инвентарь в виде кос, серпов, лопат, плуга, топора, пил и всякого много́го прочего выдавался лично хозяину в аренду с последующим дальнейшим выкупом уже в его собственность.

Семья получала и скотину: рабочую лошадку, корову, по две-три козы и овечки, пару свинок с кабанчиком и птицу, в основе своей гусей и курей. Всё с условием дальнейшего разведения и без ближайшего права их забоя. Так же семье выдавались семена для посадки в поле и в огороде. Всё это сопровождалось самым подробным объяснением, как и какую культуру, где и когда лучше зажать и что с ней нужно делать, чтобы поднять урожай побольше.

Простой народ на Руси не был избалованным таким к себе вниманием, и люди просто ошалевали, получая это всё в свои руки, буквально даже не веря своим глазам и ушам. С ними

заклучали обязательный ряд с самыми щадящими условиями отдачи и необременительной для хозяйства податью. Излишки скупались по договорной и доброй цене. Всё это принималось простыми людьми с искренней радостью и с великой благодарностью. Трудились потом все они на совесть, прекрасно понимая, что от результата их работы зависит их личное и семейное благосостояние. А если для того нужно было перенять какую-нибудь там хитрость или же особое умение, так это только на пользу им будет. Всё это для каждого было просто и понятно.

Но всё-таки в любом правиле завсегда найдётся какое-нибудь исключение. И как раз вот таким вот исключением-то и стал наш мужик Архипка.

Хозяином, конечно, он был работающим, умелым да справным, но уж больно-то человеком сам был ершистым да непокладистым. За это, похоже, и попал он в кабалу на родной Смоленщине со всею своей большой и дружной семьёй. Как пить дать загнали бы его куда-нибудь на гиблые промыслы, ту же соль под Старой Руссой добывать или же болотное железо в гнилой трясине выковыривать. Но попался удачно под руку приказчика Путяты наш Архипка. Тот же как раз строгий наказ имел – работающих кабальных приглядывать да выкупать их при каком удобном случае. Ну а так как молва об Архипе как о справном хозяине от людей была, а особенно же как об огородаре искусном, то был он выкуплен со всем своим большим семейством и отправлен затем в Андреевское речным караваном. Другой бы радовался своей судьбе и в рот бы спасителям смотрел, ан нет, всё-то не так тут было, ну не нравилось опять всё Архипке! И земля-то на Лосиной пади «не жирная» вовсе, «плохо ро-одить овощь она будет», и поля-то у него какие-то все кособокие, да не всякое корчевье от бывшего леса ещё выбрано. И скотинка-то ему была выделена вся какая то худоватая. Да и леса мало наготовлено для более позднего пристроя.

Уже и баба-то его шпыняет, и старшие сыновья, что с него росту были, тянут тятю от Парфёна с его помощниками, что периодически объезжали да приглядывали за всеми хозяйствами поместья.

Нет, всё никак Архипка не уgomонится!

Всё он по-своему у себя сделал, как бы не советовали ему настойчиво вести полеводство по всем новым правилам, а это по трёхпольной системе с чередованием пара, озимых и яровых культур.

Нет же, всё по-своему мужик сделал! Засадил всё семя в одну половину, а другую оставил отдыхать. Озимую рожь посадил меньше яровой, землю навозом не удобрил, как ему советовали. Снег наколоченными и плетёными из лозы щитами на полях не придержал. Полевые культуры: овёс, ячмень, пшеницу да горох в своих посадках не чередовал.

Вот и подвели неутешительный итог на общем крестьянском сходе по прошествии двух лет, как раз, когда уже закончился последний полевой сезон. Все, абсолютно все, кто вёл хозяйство по совету посадских полеводов, получили итоговый урожай в два, а то и в два с половиной раза больше, чем наш Архипка. И как не упирался он, упрямо ссылаясь на то, что вёл он всё по проверенной, старой, ещё дедовской традиции, а во всем у него, дескать, виновата плохая земля, что ему тут как в наказание подсунули. Однако, был он прилюдно «обществом» осмеян, и чуть было даже не жестоко бит, не вмешайся в ту крестьянскую свару сам Сотник, стоявший, оказывается, тут же рядышком, и всё, что здесь происходило, слышавший.

Вмешался он как раз тогда, когда встрёпанный Архипка со своею всклученной бородой заорал, что на кой ляд ему такая земля бы сдалась, куда его насильно тут забросили с семьёй бедовать да с детьми с голодухи пухнуть! И уже потянули за ту всклученную бороду ерша, да под бесстыжие его глаза успели пару раз приложиться. Только как воробьи порскнули в сторону те ярые поборники справедливости, только лишь слышав командирский рык Хозяина!

– Стоять! Не трогайте его, уважаемые, – спокойно глядя на собравшихся на главной площади, молвил всему народу Сотник, – Пошли-ка со мной, Архип Матвеевич, потолкуем что ли с тобой с глазу на глаз.

И, не оглядываясь, ушёл вперёд к своей избе.

– Ох, ну вот и всё, Архипка, догорланился дурачёк уже теперь, – охнул кто-то в толпе.

И все собравшиеся, только что желавшие дружно «отбуздать» мужичка, теперь вот так же дружно и искренне уже его жалели.

– Так-то не плохой ведь он сам по себе, хоть и поперечник, конечно. Трудяга всё же изрядный, семьянин ведь вона какой добрый. Эвон сколько на овощах и полезной травке то наработал. Одной только капусты с репой да луком столько возов Парфёну Васильевичу на долгое хранение свёз. Хана теперь мужику, вместе с семьёй в кабалу пойдёт, а там-то уж точно навеки сгинет!

– Ты заходи в избу-то и вон к столу присаживайся, Архип, – кивнул ему на лавку у печи хозяин, погладил по голове Ванятку и шепнул ему что-то на ухо.

Тот только кивнул в ответ светлой головёнкой и убежал за загороженную занавеской комнатёнку.

– Ладушка, ты бы угостила чайком нашего гостюшку, своим-то расчудесным пирогом. С морозу чай человек пришёл, вот и согрелся бы. Ну а мы с ним побеседуем здесь, пока тот твой чаёк греется.

– Проходи, проходи, Матвеевич, снимай поршни и проходи ближе, что ты всё мнёшься у порога-то, – повторно пригласил гостя Сотник, и Архип, в смущении мявший руками снятую шапку у самого входа, на негнущихся ногах прошёл вовнутрь избы.

– Прости, Андрей Иванович, за слова мои поганые, – не смея присесть, бормотал мужик, – Не знаю, что и нашло-то нынче на меня там, на площади этой, когда я Вашу милость прилюдно хаял. Ведь истинно же всё получил сполна. Семья в тепле, сыта, одета, обута вон вся, грех было жаловаться. Всё-то язык мой поганый, истинно говорят – без костей. Не губи, хозяин, оставь хотя бы их на своей земле, а меня хоть в какую кабальную неволю отправь! – причитал всегда такой занозистый мужик, нутром чуя свою неправоту и ответственность перед близкими.

– А ты перед посадкой репы, сколько замоченными семена в тепле держал, седмицу или только три дня?

Неожиданно заданный вопрос заставил буквально выпучить его глаза на Сотника.

– Так и трёх дней хватило, хозяин, за неделю б упрело семя-то, и в рост бы потом не пошло, – ответил он, тряся в недоумении бородой.

– А капусту чем удобрил, чтобы она крупный кочан набрала, куриный помет, небось, разводил, или постоянной на солнце травяной водой с коровяком вперемешку поливал? – опять задал вопрос Андрей.

Архип почесал голову пятернёй и уже уверенней отвечал:

– Так не только этим, ещё и золу обильно подсыпал, и не только под корень, а ещё и сами листья сверху порошил, чтобы, значит, на них гусеница потом не нападала. И ещё землю хорошо глядел, ей ведь не всякая для роста-то подойдёт!

– Ну да, – кивнул Сотник, – На кислой почве, урожай капусты не жди. Для неё и тень с сухью губительны ведь будут.

– Как есть правда, Андрей Иванович, земля и свет – это первое дело, какое условие тут нужно соблюсти, – согласно закивал крестьянин, – На гнилой почве лишь одни кочерыжки к осени будут торчать, а поливать так вообще постоянно ту капустку надо, чтобы всё время под ней бы влажной земля была.

– Ну да, всё верно, – подтвердил сказанное Сотник, – Правильно про тебя люди рассказывают, Архип Матвеевич, что ты с овощами своими, как с детьми малыми нянчишься. От того-то они у тебя и вырастают лучше, чем у всех. То, что ты говорливый не в меру, это, конечно, не делает тебе чести. Да ты и сам всё прекрасно понимаешь, не зря же и разговор наш сам с извинений своих начал.

Архип покраснел до самых своих корней волос и, винась, попытался подняться с лавки.

– Сиди, Матвеевич, сиди, не буду я больше тебя журить. Волен ты сам свою судьбу выбирать, из-под кабальной ты выкуплен подчистую. Можешь хоть здесь оставаться, а хоть идти, куда твои глаза глядят как полностью обелённый. Вольный ты человек теперь, и можешь искать себе на другой стороне добрую долю. Торопить я тебя не буду. Семью никто с места не стонит. Заберешь её, как обоснуешься на новом месте.

Огородарь, не выдержав, всё-таки вскочил и, низко поклонившись, быстро затараторил:

– Прости, Андрей Иванович, виноват я, никуда не хочу отсюда уходить. Здесь привольно и мне самому, и моим близким жить. Не в жизни больше поганого слова никто от меня впредь не услышит, Христом Богом клянусь, – и он истово перекрестился на икону в чистом углу, – Только оставь ты нас на земле этой!

– Так сказал же уже, не гоню я тебя. Живи, коль по нраву тебе здесь, – серьёзно глядя ему в глаза, ответил Сотник, – Только и ты уж, Архип Матвеевич, прислушивайся к добрым советам властей посадских. Не зря же Парфён Васильевич со своими помощниками полеводцами всё тебе подсказывал как зерновое хозяйствование правильной и удачней вести. Ты вот огородарь знатный, никто ведь тебе слова не сказал поперёк вот этого твоего удачного дела. Ну а в полеводстве, видишь, у тебя промашка вышла. Согласись, что неправильно ты там свою работу построил, от того то и выход ржи, овса и пшеницы у тебя такой был малый. Небось едва-едва на прокорм семьи хватает да на посев следующего года лишь заготовил? А вот коли прислушивался бы сам к доброму совету, так ходил бы сейчас как глухарь на токовище, важно так и во всём красивом. И близким бы своим на сданные излишки накопил бы даров знатных, всё бы было у тебя как у людей. Прости, братец, но ты сам во всём виноват.

Сидел Архип на лавке и вздыхал сокрушённо. Все верно, нечем тут было крыть, во всём прав был Хозяин. И уже ругал про себя распоследними словами этот свой дрянной характер мужик.

– Ладно, не журись, семье-то хватает ли еды, не бедствуете? – с сочувствием, от которого аж в пол было в пору провалиться, спросил собеседника Сотник.

– Всего хватает, хозяин, – сокрушённо вздохнул крестьянин, – На прокорм и на семя всего изрядно заложено. Чуток сдал зерно в счёт податей. Да и овощ мой изрядно семью выручил. Хорошо, что хоть он в зачёт пошёл. Опять же скотинка с птицей приплод дала, так что всего пока нам хватает. Ещё бы с полем вёл себя разумно, так и вообще бы всё было бы хорошо. А-а, что уж тут говорить! – и он сокрушённо махнул рукой.

– Батюшка, откусаете с гостем? – подошла с пирогом Лада и поставила разогретую ей еду на стол.

Тут же по глубоким канопкам был разлит душистый кипрейский чай с чабрецом. Вот и почаёвничали вдвоём в удовольствие.

Затем как-то само собой зашёл за столом разговор об любимом деле Архипа, огороде. Тут он мог часами рассказывать о любой травке и об хитростях в её выращивании. Всё это было понятно Андрею, что и сам в какой-то мере был не чужд вот этому доброму делу.

– Архип Матвеевич, скажи ты вот мне, а все ли огородные культуры, что ты сейчас выращиваешь, знали в глубокую старину наши предки? – задал с эдакой подковыринкой вопрос хозяин.

– Дык, репу-то давно наши пращуры выращивали, – почесав макушку, начал перечислять гость, – Бобы, редьку, капусту, горох тоже издревле растили, а вот если морковь, лук, свеклу, так их уже гораздо позже начали. А в нашей северной земле так и вообще, пожалуй, недавно. Поговаривают, что многие овощи к нам из Греции или Царьграда пришли, тогда, когда Русь ещё при светлом святом князе Владимире святое крещение приняла. Ещё тогда, в старину греческие монахи с пастырским словом многие семена и плодовые саженцы сюда к нам завезли.

Сказывают, во многих монастырях свои огороды издревле были, откуда-то потом овощи уже и расходились по всем нашим землям.

– Ну да, видно, всё так именно и было, – кивнул, соглашаясь с ним, Сотник, – А как ты думаешь, Матвеевич, есть ли ещё какой такой овощ на земле из тех, что мы не знаем, но который в иноземных землях растут и где он обильно, затем в пищу идёт?

Огородарь внимательно посмотрел на собеседника и, подумав, с уверенностью ответил:

– Знамо дело, Андрей Иванович, сказывали мне сведущие люди на Смоленском торгу, из тех, что в дальних странах бывали, что там и овощи, и фрукты-ягоды весьма диковинные есть. А некоторые они так даже сами пробовали, и те по вкусу им были весьма приятными.

– Вот! – улыбнулся Сотник, – Иноземцы, значит, диковинные овощи и фрукты вкушают, а мы, русские, значит, нет. Потому, как мы их и не знаем вовсе даже, и на стол свой их выставить не можем. Не порядок-то!

– Не порядок, – поддакнул Архип, – А что же делать-то? – и он внимательно уставился на Андрея.

– Так то уже к тебе вопрос, Архип Матвеевич, – ответил Сотник, – Ты ведь у нас знатный огородник. Вот и займись своим любимым делом. Есть у меня масса новых семян и клубней новых овощей, что пришли ко мне из заморских стран. Кое-какие я со своими близкими на своём опытном огороде уже третий год как выращиваю, да и ты, небось, о том уже слышал?

– Как не слышать... – кивнул собеседник, – Поговаривали меж нас, серых, что хозяин, прошу меня простить, блажью самой что ни на есть занялся. Какие-то там новые травы, кусты и овощи у себя в тайном месте выращивает. И грозит, дескать, потом всех скопом заставить всё это у себя в хозяйствах растить, да ещё потом и вкушать.

– Пряма вот так вот под остриём копья заставлю я всех диковинку выращивать и потом её же есть, да? – залился смехом Сотник и хлопнул ладонью по столу.

– Ну не так уж, как вы сказали, конечно, хозяин, – заёрзал в смущенье на скамье Архип, – Но что заставит, это уж точно гуторили. Так говорят и будет. Не зря же он сам это всё у себя выращивает.

– Ладушка, голубушка, а запеки-ка ты нам пару резаных клубней картофеля, что мы от тех общих, убранных на хранение, отложили по осени, так только, по-быстрому, и без всяких изысков, – попросил приёмную дочку Сотник и продолжил разговор, – Насильно, никто и никого заставлять что-либо сажать, или что-нибудь делать, ну а уж тем более вкушать, не будет. Поверь мне на слово, Матвеевич, – Всё только по обоюдному согласию и по договорённости. Но новые зерновые сорта, овощные, ягодные и плодовые культуры я продвигать, конечно же, буду. В том вижу пользу для всей нашей земли. Взять вот тот же жгучий кайенский перец, который за три года уже чуть ли не в каждом огороде и у каждого окошка в крестьянской зимней избе прижился. Хорошо пресную пищу он сдабривает, скажи? – и, отметив согласные кивки собеседника, продолжил, – Вон, как он по душе-то всем нам пришёлся. Теперь каждая хозяйка перетирает его и в отдельном узелке для приправ держит. А управляющий мой так и вовсе на торг первую партию того молотого перца отправил, и что ты думаешь, всё влёт у него ушло! С большим барышом к тому же, а всё почему? А потому что большой спрос на этот товар в наших землях есть, потому что нуждаются в нём люди. Вот так и с новыми культурами. Разведём мы их у себя. Будут они у нас в избытке, накормим и своих людей разнообразной пищей, и на сторону их затем продадим. А потом те культуры и в других землях Руси разойдутся и нашему народу в дальнейшем прокорме послужат. И ведь не жалко, то ведь доброе дело, а всё же мы в нём родоначальниками будем, – и Сотник с улыбкой воззрился на Архипа.

– Эх, и интересные дела-то Вы рассказываете, Андрей Иванович, – аж причмокнул со смаком огородарь, – А много ли сих культур у Вас, за которые взяться можно?

Глаза у собеседника горели.

«Заинтересовался мужик, теперь просто так от нового дела не отступит, с его-то хваткой и природной упёртостью,» – подумал про себя Андрей.

– Ну, про зерновые я тебе растолковывать не буду, ибо не по душе тебе полеводство, – и подмигнул смутившемуся огородарю, – А вот по овощам изволь: земляной овощ – картофель, что как репка под ногами растёт, и урожаи при правильном уходе даёт он весьма обильные. А ещё он сам вкусом богат и как пища весьма сытным будет. Перец сладкий, из Царьграда семенами привезённый. Помидор, красный как яблоко, и вкусом к тому же он необычный очень. Огурец, который уже выращивают у Киева, но досюда он ели как добрался пока. Кукуруза, её, конечно и к зерновым бы отнести можно, но всё же она пока для огорода ближе будет. Её жёлтые зёрна на початках в таких больших кочерыгах зреют, и очень вкусные и питательные на вкус. Подсолнечник, в нём как в огромном цветке зреют семечки – семена, а их можно и так есть, и ещё масло из них давить, причём с подсолнечником это гораздо проще будет, чем с той же коноплей или льном. Есть у меня новые сорта лука, более крупного, чем наш здешний и уже всем привычный. Моим другом Путятёй Селяновичем доставлены сюда заморские семена красной и жёлтой моркови, очень крупной тыквы, фасоли, сортов более крупной, чем у нас свеклы, ну и есть ещё семена пряных трав. В общем, тебе есть, над чем тут работать, Архип. Готов ты себя в этом интересном деле попробовать?

– Ну, если вспоможение, какое будет от власти, да подати на первое время уменьшить, то почему бы и не попробовать, – осторожно с эдакой крестьянской хитринкой начал Архип, – Не-е... Вы не подумайте, Андрей Иванович, я не отказываюсь от дела, работать-то буду с прилежанием. Силёнок только, боюсь, моих не хватит. Два помощника пока у меня, Васька с Кузьмой, в полную мужскую статью ещё не вошли, а остальные вообще совсем ещё пока малые. Для прополки и другого какого труда в огороде, конечно, вспоможение от бабы и дочек мне будет, но вот коли мужскую ломовую работу делать или там большую стройку вести, так тут уже мужская сила нужна. Боюсь я подвести вас.

– То правильно, что сомневаешься, Матвеевич, – кивнул одобрительно Сотник, – Со стройкой мы тебе поможем. Даже вернее, на себя всю стройку поместье возьмёт. Лошадку ещё одну в хозяйство выделим, инструмент и приспособь всякую для огородных работ дадим, ну и так, по мелочи чего. Зерновое полеводство тебе в разы уменьшим. Будешь только для себя зерно сажать, безо всякой его отдачи в усадьбу. От тебя же мы будем ждать только хорошего выхода овощей, ягод ну и всяких там пряных трав. Стройка в Лосиной поди будет приличная, не удивляйся даже. Помимо открытого выращивания овощей, будешь разбивать огород ещё в закрытых стеклянных теплицах. Дело это не простое, хлопотное, тут свои хитрости тоже в нём имеются. Поэтому пока зима стоит, предлагаю тебе в центральных теплицах усадьбы поработать, вон их сколько у нас тут уже раскинулось. Со старшими тепличниками я тебя сведу, под их началом ты и будешь трудиться до весны. Ещё и плату за то серебром помимо бесценной науки получишь.

Дотошный и любопытный крестьянин всё не унимался, много он ещё разных вопросов задал и последним своим аж припечатал Сотника.

– При хорошем уходе любой овощ на огороде добрый урожай даст. Зачем же крытые теплицы городить, возиться с ними, и на них такое драгоценное стекло тратить? Тут ведь и ста лет не хватит, чтобы всё это добро окупить. Воистину золотыми овощи становятся.

Ну что было ответить мужику? Что ещё только одно будущее лето до четырёх страшных лет затяжного ненастья осталось. Что его родной Смоленск практически весь до единого человека от голода вымрет, а Батюшка Великий Новгород в общих скудельницах будет ДЕСЯТКАМИ тысяч своих горожан хоронить! Что случаи жуткого каннибализма будут вовсе не редки на русской земле! Что жуть жуткая надвигается! И поделаться с этим Андрей ничего не мог. Слишком уязвим был человек в этом времени от негативных погодных явлений. Единственное, что можно было делать, это постараться как-то смягчить их последствия. И небольшим шагом

тут и было создание вот таких вот теплиц, которые, если и не насытят поместье продуктами, так хотя бы сохранят под защитой его семенной фонд.

Помолчав и все хорошенько обдумав, Сотник решил всё же сказать всю правду Архипу. Разумеется, слух об этом разнесётся, такое-то в тайне не удержишь. Ну что же, пусть, глядишь, и подготовятся умные хозяева получше. А уж с паникой или какими другими недобрыми проявлениями он в своём поместье постарается справиться. И Андрей, пристально глядя в глаза крестьянина, выдал чётко отточенные слова:

– Через год к нам придёт четырёхлетнее ненастье. Обложные дожди затянутся на всё лето. Летние заморозки, снег в июне и в августе выбьют все посадки и посевы полностью. Дальше продолжать?

Архип буквально побелел на глазах. Кто, как не крестьянин, понимал, что всё это значит...

– Вот и думай теперь, Матвеевич, что тут можно делать. Теперь понятно, для чего я такое драгоценное стекло на теплицы пускаю?

– Теперь понятно, Хозяин! – выдохнул Архип, – Но откуда? – и он буквально поперхнулся, встретив жёсткий стальной взгляд.

– То тайна великая, и сказать я тебе всего не могу, извини. Достаточно и этого тебе, – твёрдо ответил Сотник.

– Да всё понятно, хозяин. Благодарствую за то, что упредил с вестью-то такой, теперь я уж буду из кожи вон лезть и готовиться.

К столу опять подошла Лада и положила небольшую глиняную сковород – гусятницу с несколькими запеченными в ней картофелинами, миску с топлёным маслом, хлебушко и солонку.

– Попробуй, Архип Матвеевич. Это тот земляной овощ, который со временем вторым хлебом на наших столах должен стать.

И Сотник, первый очистив картофелину от кожуры, подсоллил её, и, макнув в масло, отправил в рот вместе с кусочком каравая.

Огородарь самым внимательным образом зафиксировал все манипуляции хозяина, и затем, повторив их точь в точь, так же съел и своё угощение.

– Ну как, можно ли есть сие кушанье? – с улыбкой обратился к нему Андрей.

– М-м-м... вкусно-то как, ну да, с маслицем и хлебушком, да ещё с солью и не то съесть-то ведь можно, – рассмеялся в ответ Архип, – Шучу я, шучу, извините, Андрей Иванович, – покаялся насмешник, – Хорош овощ, непривычен конечно маненько, но хорош. Видать, и вправду за ним будущее есть, ежели ещё и урождаться богато будет.

– Будет, обязательно будет, – кивнул, соглашаясь со сказанным, Сотник, – Три лета назад у меня клубней таких вот больших семян с пол ведра-то всего было, а сейчас больше четырёх сотен уже на хранилище заложили. Это ещё нужно учесть, что я резанную, ну или совсем уж огромную картошку на еду отложил. Выход картофеля не менее, чем один к десяти при должном уходе получается. А при большом старании, думаю, и того больше выйдет. Такие вот дела, Архип Матвеевич...

Глава 6. Путь прогрессорства

Попав в это время и слившись в нём сознанием и телом со своим далёким предком, Андрей прекрасно понимал, что, встав на путь служения своей земле и отстаивая её от многочисленных врагов, одним лишь мечом тут просто так не намашешься. Чтобы был уже какой-то прогресс и движение вперёд, браться ему придётся за все стороны этой жизни. Всюду нужно пытаться внедрять всё-то новое, что может послужить затем в усилении своей страны, начиная от сельского хозяйства и основ медицины, и заканчивая зачатками промышленного производства, геологии или той же выработке новой боевой тактики в способах ведения войны.

На его стороне сейчас выступал опыт многих сотен лет, с помощью которого можно было отбрасывать ошибочные тупиковые пути, не имеющие за собой большой перспективы или же, напротив, сосредотачиваться на всём том, что даст весомое преимущество уже в самом ближайшем будущем.

У него уже было своё воинское подразделение, целая бригада более, чем в тысячу копий, стояла сейчас в строю, всего лишь за четыре года выросшая в неё из небольшого отряда ветеранов единомышленников.

На него работал авторитет, заработанный ещё Дозорным Сотником князя Мстислава Удатного, плюс ещё и преумноженный за последнее время ратными делами самого Андрея.

Было и своё поместье, где собранные вместе даровитые да честные люди под его непосредственным приглядом учились вместе трудиться и воевать, а самое главное, они тут все учились думать по-новому. И это было главным, что изо всех сил пытался развивать в этом мире Андрей Сотник. Вложить близким людям знания, научить их быстро и гибко мыслить, научиться брать на себя ответственность, выбирать и принимать верные решения. Вот к чему, в первую очередь, готовили в ратной воинской школе отроков, на краткосрочных командирских курсах да и вообще в бригаде и в поместье. Косность, «мямление», нерешительность или же лень здесь вышибали «на раз-два». На третий раз проявивший это, из поместья или из бригады вышибался уже стопроцентно.

С подлостью, злобой и трусостью здесь и вовсе всё было гораздо быстрее. И большим плюсом тут, конечно, было то, что костяк общества в поместье составляли матёрые дружинные воины ветераны, естественным своим жизненным и кровным отбором сохранившие себя достойными людьми и дожившие такими же до самых своих седых волос. Гадких людей среди них не было. Гадкие люди в их среде попросту не выживали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.